

Федор РАЗЗАКОВ

Звездные **ТРАГЕДИИ**

Что скрывали
официальные источники

По мотивам телесериала
"КАК УХОДИЛИ КУМИРЫ"

Федор Ибатович Раззаков

Звездные трагедии

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179518
Звездные трагедии: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22416-6*

Аннотация

Когда погибает известный человек, это вызывает шок у всех, даже у тех, кто не являлся его поклонником. Вампилов, Урбанский, Шпаликов, Шепитько, Тальков, Цой, Харламов – эти звездные имена приковывали к себе внимание миллионов. Все признавали за ними несомненный талант, талант от бога, и верили, что они смогут сделать еще много. И никто не мог предположить, что трагическое стечение обстоятельств оборвет их жизни на самом взлете. Но бывает, что гибель кумира не только шокирует людей, но и влечет за собой массу слухов и досужих пересудов. Так, наверное, лучше узнать, что же произошло на самом деле, и просто отдать дань уважения выдающейся личности и талантливому человеку, который так трагично ушел из жизни...

Содержание

Трагедии в театре и литературе	4
Гибель красного режиссера	4
Гибель красного литератора	21
«Я умру в крещенские морозы...»	93
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Федор Раззаков

Звездные трагедии

Трагедии в театре и литературе

Гибель красного режиссера **Всеволод МЕЙЕРХОЛЬД**

В. Мейерхольд родился 9 февраля 1874 года в Пензе в многодетной семье (у него было еще два брата и несколько сестер). Его отец – Эмилий Федорович – был выходцем из Германии, наполовину французом, мать – Альвина Даниловна – рижской немкой. При рождении мальчику дали имя Карл Теодор Казимир, а Всеволодом он стал в 21 год, когда принял православие.

Детство и юность Мейерхольд провел в Пензе, где его отец владел спиртоводочным заводом. Учиться мальчик пошел во 2-ю Пензенскую гимназию, и, стоит отметить, учился крайне скверно. На протяжении гимназического курса он трижды оставался на второй год и вместо восьми лет проучился в гимназии одиннадцать. Кроме того, Мейерхольдам явно не повезло с главой семейства. Эмилий Федорович был чело-

веком крайне деспотичным и постоянно третировал членов своей семьи (жене изменял почти в открытую). В результате из дома ушел старший сын, средний стал спиваться, а младший – Казимир – однажды заявил: «Такого отца я должен ненавидеть!»

Театром Мейерхольд увлекся еще в Пензе и в 18-летнем возрасте поставил свой первый любительский спектакль – «Горе от ума». В нем он играл Репетилова. Премьера этого спектакля состоялась в скорбный, казалось бы, для нашего героя день – 14 февраля 1892 года, в день, когда в доме Мейерхольдов умирал глава семейства Эмилий Федорович. Однако отношения с отцом у Мейерхольда были настолько испорчены, что он и не подумал провести умирающего (так же поступил и средний брат – Федор, который тоже был участником этого спектакля).

После смерти главы семьи казалось, что Мейерхольды наконец обрели долгожданный покой и свободу. Увы, все сложилось не так уж безоблачно. Старший сын уехал в Ростов, средний пытался разобраться в отцовской бухгалтерии и все чаще прикладывался к рюмке. Казимир же не захотел наследовать дело отца и решил целиком посвятить себя театру. Учеба в гимназии ему откровенно опротивела, и он буквально с трудом доучивался последние два года. Тогда же к Мейерхольду пришла и первая любовь – его сверстница Ольга Мунт играла с ним в любительском театре. Но и эта любовь – как ему казалось, безответная – мучила юношу и отнимала

у него последние силы. Мейерхольда неоднократно посещала мысль о самоубийстве.

Летом 1895 года в жизни нашего героя происходит целая череда знаменательных событий: 24 июня он меняет имя на Всеволод и поступает на юридический факультет Московского государственного университета. В те же дни он объявляет близким о своей помолвке с О. Мунт, но семья относится к этому отрицательно. Доводы вроде бы убедительны: следует подождать до окончания университета, ведь студенческие браки так недолговечны. Но Мейерхольд ничего не хочет слушать. Упрямство и взрывной темперамент достались ему в наследство от отца. Помолвка молодых состоялась, а вот венчание произошло в следующем году – 17 апреля 1896 года. За месяц до этого Мейерхольд создал в Пензе Народный театр.

В сентябре 1896 года Мейерхольд воплотил в жизнь свою давнюю мечту – он поступил в музыкально-драматическое училище Московского филармонического общества. На экзаменах он читал монологи с таким темпераментом, что экзаменаторы были приятно поражены и зачислили его сразу на второй курс. В этом заведении, в отличие от пензенской гимназии, Мейерхольд вскоре станет лучшим учеником.

В феврале 1898 года у Всеволода и Ольги родилась дочь Мария. В том же году Мейерхольд заканчивает учебу в училище, знакомится с К. С. Станиславским и поступает в только что созданный Художественный театр. Он сходится с ре-

волюционером А. Ремизовым, который приобщает его к идеям К. Маркса. Пензенская жандармерия вносит Мейерхольда в список «неблагонадежных особ».

В Художественном театре Мейерхольд изо всех сил стремился выбиться в ведущие актеры, однако это его желание не всегда находило понимание со стороны других участников коллектива. Например, в постановке «Царь Федор Иоаннович» ему сперва отводилась главная роль, он к ней готовился, но затем роль была отдана И. Москвину. Зато вскоре в «Чайке» ему достается роль Треплева (сам Мейерхольд считал ее своей лучшей ролью). К нему приходит настоящая слава, фотокарточки с его изображением продаются во всех писчебумажных магазинах города. С ним сближается А. П. Чехов.

И все же полного удовлетворения от пребывания в Художественном театре Мейерхольд не испытывает. У него не ладятся отношения с В. Немировичем-Данченко, и хотя Всеволод занят в четырех спектаклях из пяти, мысли об уходе все чаще приходят ему в голову. Ситуация достигла кульминации 12 февраля 1902 года. В тот день Мейерхольд узнал, что он не включен в число пайщиков-учредителей театра. Его гневу нет предела, и он тут же заявляет о своем уходе. Вместе с К. Станиславским они создают Театр-студию на Поварской, но в 1905 году, накануне открытия, Станиславский внезапно отказывается работать с Мейерхольдом. Тот уходит в Театр Комиссаржевской. Работает там какое-то время и

вновь терпит неудачу: в разгар сезона Комиссаржевская разрывает контракт с ним. После этого творческий путь Мейерхольда будет связан с двумя театрами: Александринским и Мариинским.

Перед самой революцией Мейерхольд ставит спектакли в петроградской Студии на Бородинской. В это же время состоялся первый контакт режиссера с немым кинематографом. В 1915 году «Товарищество Тиман, Рейнгардт, Осипов и К^о», которое выпускало фильмы «Русской Золотой серии», обратилось к Мейерхольду с просьбой попробовать свои силы в кино. К тому времени «серия» переживала полосу неудач, и участие в ней знаменитого театрального режиссера должно было, по мнению ее создателей, вновь привлечь в кинотеатры народ. Мейерхольд снял два фильма: «Портрет Дориана Грея» и «Сильный человек». Однако ни один из этих фильмов успехом у зрителей не пользовался.

Октябрьскую революцию Мейерхольд встретил с восторгом. Уже через несколько месяцев после нее он вступил в ряды ВКП(б). В 1919 году по доносу недоброжелателей Мейерхольда как большевистского агитатора арестовывают в Крыму белогвардейцы. Без сомнения, его легко могли бы расстрелять, однако не сделали этого, так как Мейерхольд был достаточно известным актером и режиссером. Генерал Кутепов принял увлечение Мейерхольда большевизмом как издержки творческой натуры и приказал выпустить режиссера на свободу. Этот эпизод, да и последующее поведение

Мейерхольда, когда он, уже будучи в Москве, надел кожаную тужурку и нацепил на пояс «маузер», большевики не забыли и поспешили отметить: в 1920 году он стал руководителем Первого Театра РСФСР, который в 1923 году стал называться Государственным театром имени В. Мейерхольда (ГОСТИМ). В том же 1923 году Мейерхольд был удостоен звания народного артиста республики.

В отличие от бурной творческой и общественной жизни личная жизнь Мейерхольда внешне выглядела спокойной. Ольга Мунт подарила ему троих детей, причем все – девочки. Во время революции Мейерхольды жили в Москве на Новинском бульваре, в доме № 32. В этом же доме размещались Высшие театральные мастерские, которыми Мейерхольд руководил. В 1921 году студенткой режиссерского факультета в этих мастерских стала 27-летняя Зинаида Райх, бывшая жена Сергея Есенина.

С Есениным Райх познакомилась в Петрограде в 1917 году. Она тогда работала машинисткой в газете «Дело народа», где Есенин бывал довольно часто. Райх была красивой женщиной, и Есенин, конечно же, не мог не обратить на нее внимания. Впервые они встретились весной, а летом того же года уже вместе уехали путешествовать к Белому морю. Тогда же и обвенчались. Однако их брак, во время которого Райх родила двух детей, длился всего три года. В 1920 году они расстались, и Райх с двумя крошечными детьми приехала в Москву. Здесь устроилась машинисткой в Наркомпрос.

Именно там Мейерхольд ее впервые и увидел. Вскоре она стала студенткой в его мастерских, и даже более того – начала посещать его дом. Сначала просто в качестве гостыи. Жена Мейерхольда приняла ее достаточно тепло, так как знала о бедственном положении Зинаиды. Вскоре Райх стала в их доме своим человеком. Так продолжалось до лета 1922 года.

Тем летом жена Мейерхольда уехала вместе с детьми на юг отдыхать. А когда они вернулись назад, хозяйкой в их доме была уже Зинаида Райх. Ольге Михайловне не оставалось ничего другого, как вместе с детьми искать себе иное жилище.

По мнению некоторых исследователей, Райх не любила Мейерхольда и замуж за него вышла исключительно по расчету. В этом утверждении есть доля истины. Ведь на руках у Райх было двое маленьких детей, а Мейерхольд в то время был уже достаточно известным режиссером. К тому же брак с руководителем крупнейшего театра позволял Райх претендовать на роль примадонны в нем. По словам дочери Райх Татьяны, ее мать «...вообще никогда никого не любила. Она была чувствительна, эмоциональна, могла увлечься, но любви она не знала. Для этого она, возможно, была слишком рациональна. А главное, всегда превыше всего ставила себя, свое благополучие и свои интересы. Да, ей нравилось кружить головы мужчинам, но вряд ли она шла на какие-то отношения, более глубокие, чем простое кокетство, со своими поклонниками, которых всегда было более чем достаточно».

Между тем весной 1926 года страна с большой помпой отметила 5-летие ГОСТИМа. Это было почти всенародное действо, во всяком случае, именно так его хотели представить. По тем временам это было еще непривычно, так как юбилеев тогда почти не отмечали. Юбилейный комитет возглавляла Клара Цеткин, одним из ее заместителей был сам нарком просвещения А. Луначарский. В состав комитета вошли С. Буденный, К. Радек, Н. Семашко, О. Каменева и другие деятели партии и государства. От творческой интеллигенции были делегированы К. Станиславский, М. Чехов, В. Маяковский. Этот юбилей праздновался три дня подряд. Подробные отчеты о каждом дне торжеств помещала на своих страницах главная газета страны «Правда» (номера от 27–29 апреля). Можно смело сказать, что это был наивысший триумф Мейерхольда.

В 1927 году ГОСТИМ впервые посетил И. Сталин. Он пришел на спектакль «Окно в деревню» и сидел в обычном ряду, так как правительственной ложи в театре тогда еще не было (театр находился на Садовой-Триумфальной). Спектакль Сталину не понравился, и он ушел из театра откровенно недовольный. Это был первый печальный звонок для Мейерхольда.

Однако, несмотря ни на что, ГОСТИМ в те годы по праву считался одним из самых новаторских театров страны. С ним работали такие авторы, как Маяковский, Вишневский, Безыменский, Олеша, Сельвинский, Герман. Именно на его

подмостках были поставлены спектакли «Мистерия-Буфф», «Великодушный рогоносец», «Лес», «Мандат», «Ревизор», «Горе уму», «Клоп», «Баня».

Последний спектакль весной 1930 года потерпел провал. Однако это не помешало театру отбыть на гастроли за границу. В Берлине Мейерхольд и Райх встретились с М. Чеховым, который незадолго до этого навсегда покинул СССР. Они попробовали уговорить артиста вернуться обратно, но тот остался непреклонен. Более того, он сам предложил им незамедлительно эмигрировать, иначе, по его словам, на родине их ждет верная гибель. На что Мейерхольд якобы ответил: «Я знаю, вы правы, мой конец будет таким, как вы говорите. Но в Советский Союз я вернусь».

В 1931 году ГОСТИМ переехал из старого здания на Садовой-Триумфальной на Тверскую, туда, где ныне располагается Театр Ермоловой. А на месте старого театра было решено выстроить новый, самый большой в Москве театр, оснащенный по последнему слову техники. Зрительный зал его должен был вмещать три тысячи мест, в театре планировалась открытая сцена-арена, стеклянный потолок. В этом здании Мейерхольд намеревался поставить «Гамлета», «Отелло» В. Шекспира, «Бориса Годунова» А. Пушкина.

К 30-м годам жена Мейерхольда считалась в его театре безоговорочной примой. Из-за конфликтов с ней из театра ушли многие артисты, в том числе бывшая прима Мария Бабанова. Хотя в этом случае не все однозначно. Приведу сло-

ва Н. Берновской: «В прессе 20-х годов, обсуждая ситуацию в театре Мейерхольда, не задумываясь, пользовались расхожим клише „Бабанова – Райх“. Действительно, было: и обожаемая жена, из которой Мейерхольд во что бы то ни стало стремился сделать актрису, и гонения на юную Бабанову, которая казалась главной конкуренткой по причине своей необычайной одаренности, и осуществление желанной цели, когда 17 июня 1927 года Мария Ивановна наконец со слезами ушла из театра. (Потом всю жизнь эти слезы возвращались каждый раз, как только заходила речь о Мейерхольде.)

Очень долго формула «Бабанова – Райх» сохраняла актуальность и для самой Марии Ивановны, слишком непосредственно и живо она соединялась со всеми бесконечными несправедливостями, забыть которые не удавалось...

И все же к концу своей жизни она стала осознавать, что Мейерхольд явился в той ситуации не озабоченным супругом, а художником, неумным, неумолимым, ревнивым, своенравно расставляющим фигуры на доске своей неукоснительной волей. Художником, не допускавшим никаких посторонних влияний».

По одной из версий, конфликт Бабанова – Райх был предопределен еще и тем, что обе женщины любили Мейерхольда и претендовали на его расположение. Однако в отличие от М. Бабановой ее соперница была намного решительнее и настойчивее в своих действиях. Дело порой доходило до запрещенных приемов. Например, в спектакле «Ревизор» обе

актрисы играли главные роли: Райх – городничиху, Бабанова – ее дочь. Так вот, во время спектакля Райх исподтишка так щипала свою соперницу, что у той после этого на теле долго оставались синяки.

Не менее злопамятен и крут нравом был и сам Мейерхольд (этот нрав он явно перенял по наследству от отца). Вот как писал Д. Фернандес: «У Мейерхольда был трудный, властный характер. „Я вас боюсь и ненавижу“, – говорил он ученикам своей мастерской. Его прозвали Доктором Дапертутто (Везде) – намек на инквизиторскую мелочность, с которой он командовал своей школой. Своим актерам он не оставлял ни малейшей свободы. Вместо того чтобы помогать им развивать собственные возможности, он говорил им, чт*! *о*!* они должны делать, в мельчайших деталях. Конечно, отец, но отец – диктатор и тиран».

На людях Мейерхольд и Райх сохраняли видимость семейного благополучия, однако в стенах своего дома в Брюсовом переулке давали волю чувствам. Дочь З. Райх вспоминает, что дома между супругами шла постоянная война. Скандалы следовали за скандалами, и дети боялись, что все рано или поздно закончится разводом. Однако развода так и не последовало. Хотя все предпосылки для него уже были.

Следует отметить и тот факт, что Мейерхольд был гомосексуалистом. По словам близко знавшего его И. Романовича, «круг гомосексуальных связей Мейерхольда был достаточно широк, в него входили многие известные люди. Этот

факт интимной жизни Мастера, бесспорно, оказывал огромное влияние на его отношения с Зинаидой Николаевной. Может быть, меня заклеят блюстители „чистоты риз“, но я предполагаю, что и в бисексуальности Мейерхольда наряду со многим иным – ибо человеком он был сложным и противоречивым, многослойным – кроется, хотя бы частично, ответ на вопрос, почему он принял большевистскую революцию. В старой России свобода и нетривиальность сексуальной жизни не поощрялись. Возможно, Мейерхольд связывал с большевистским переворотом выход в царство подлинной свободы, в том числе творческой и сексуальной. Он не мог предположить, что этот переворот принесет еще большую несвободу, закрепощение всех и каждого, что гомосексуализм будет преследоваться как уголовное или даже государственное преступление».

Касаясь этой щекотливой темы, отмечу, что Мейерхольд довольно часто увлекался актерами своего театра. Например, известно, что он сильно симпатизировал Михаилу Цареву и, как отмечает Т. Есенина, «Мейерхольд постоянно тащил Царева в дом, на дачу. Не отпускал от себя. Постоянно восхищался им и своей дружбой с ним».

Подобные же знаки внимания Мейерхольд оказывал и другим молодым актерам: Евгению Самойлову, Аркадию Райкину. Известен случай, когда еще молодой Аркадий Исакович пришел на репетицию к Мейерхольду и тихо сидел в глубине зала. Однако режиссер заметил незнакомого мо-

лодого человека, познакомился с ним и стал уговаривать его переехать из Ленинграда в Москву, даже предлагал ему квартиру.

Между тем в середине 30-х годов над Мейерхольдом начали сгущаться тучи. И хотя вечеринки, которые устраивались для столичной богемы в их доме (в кооперативный дом в Брюсовом переулке они переехали в 1928 году), посещали весьма влиятельные люди (в том числе и чекисты), сам хозяин дома понимал, что всерьез рассчитывать на их помощь в случае опасности ему не придется. 28 января 1936 года в «Правде» появилась статья «Сумбур вместо музыки». Речь в ней шла о только что поставленной в Большом театре опере Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». В статье обличалось «левацкое искусство», которое «вообще отрицает в театре простоту, реализм, понятность образа, естественное звучание слова». И все это есть не что иное, как «перенесение в оперу, в музыку наиболее отрицательных черт „мейерхольдовщины“».

6 сентября 1936 года звания народных артистов СССР впервые были присвоены целой группе деятелей, среди которых были Станиславский, Немирович-Данченко, Качалов, Москвин, Щукин и другие. Фамилии Мейерхольда в этом списке не было.

Чтобы хоть как-то оправдаться перед властью, Мейерхольд пускался во все тяжкие. Он взялся поставить сначала пьесу Л. Сейфулиной «Наташа», действие которой проис-

ходило в колхозной деревне. Затем принялся репетировать спектакль «Одна жизнь» по пьесе Е. Габриловича, в основу которой был положен роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Спектакль был представлен пред грозные очи приемной комиссии в ноябре 1937 года. И ни к чему хорошему это не привело. По свидетельству очевидцев, З. Райх настоятельно советовала мужу обратиться лично к Сталину. Однако Мейерхольд колебался, так как с генсеком у него были прохладные отношения (у них был всего лишь короткий разговор после спектакля «Рычи, Китай!»). Он не верил, что эта встреча сможет что-либо изменить в его судьбе. Об этом ему говорил тогда и Б. Пастернак, один из немногих, кто продолжал поддерживать с опальным режиссером дружеские отношения. При этом поэт рассказывал о недостойном поведении А. Толстого, который сначала смешил Сталина анекдотами, а потом, как бы между делом, просил посодействовать в получении новой дачи. Так встреча Мейерхольда со Сталиным и не состоялась. А вскоре надобность в ней и вовсе отпала. 7 января 1938 года Комитет по делам искусств издал постановление о ликвидации Государственного театра имени В. Мейерхольда.

О том, что он сам и его театр обречены на гибель, Мейерхольд знал задолго до января 1938 года. Еще в 1936 году он и З. Райх пытались покинуть СССР, попросили визу для поездки в Европу для себя и детей. Однако власти были предусмотрительны и визу выдали лишь взрослым членам семьи.

Дети как бы оставались в заложниках. Бегство из страны так и не состоялось.

Лишившись театра, Мейерхольд несколько месяцев был предоставлен самому себе. В это время он много читал, чуть ли не каждый день посещал концерты. Сбережения постепенно таяли, и Мейерхольд собирался в те дни продать свою машину. Но тут он внезапно получил приглашение на работу: в мае 1938 года его назначили режиссером Оперного театра К. Станиславского. Это назначение произошло по прямой протекции самого Константина Станиславского. Однако 7 августа того же года признанный мэтр скончался, и защитить Мейерхольда было уже некому. Хотя некоторое время он продолжал работать в театре на правах главного режиссера.

10 марта 1939 года состоялась премьера оперы Д. Верди «Риголетто». А 20 июня того же года в Ленинграде Мейерхольда арестовали. Арест произошел в квартире режиссера на Карповке, в доме № 13. Буквально за несколько часов перед этим режиссер был в гостях у актера Эраста Гарина, с которым они два года назад расстались со скандалом. Теперь произошло их примирение. По словам актера, Мейерхольд в тот вечер шутил, пил и совсем не выглядел удрученным. А в это время на Карповке его уже ждали чекисты.

Спустя 25 дней после ареста мужа – в ночь с 14 на 15 июля – в своей квартире в Брюсовом переулке была зарезана Зинаида Райх. В тот роковой день она была в доме со своей

домработницей Лидией Анисимовной: дочь Татьяна с годовалым сыном жила на даче в Горенках, а Костя поехал на родину С. Есенина в Константиново. Перед тем как лечь спать, Райх отправилась в ванную комнату. В этот самый момент через балкон в квартиру проникли двое неизвестных мужчин. Когда они были в коридоре, из ванной неожиданно вышла хозяйка дома. Увидев незваных гостей, Райх начала истошно кричать, однако преступники выхватили ножи и стали с двух сторон наносить ей безжалостные удары. Все это время Райх продолжала кричать, но соседи так и не посмели вмешаться, видимо, уверенные в том, что в квартире Мейерхольда происходит очередной обыск и у Райх началась истерика. Ничем не смогла помочь хозяйке и домработница. В результате преступники нанесли несчастной семнадцать ножевых ранений, после чего скрылись через парадную дверь. Из квартиры они ничего не унесли. Когда к месту происшествия приехала вызванная домработницей милиция, Райх была еще жива. Оперативники даже сумели ее допросить. Затем потерпевшую отправили в больницу Склифосовского, но довести ее живой врачи не сумели: Райх умерла от потери крови. Вскоре их четырехкомнатную квартиру отдали в ведомство МГБ: там поселились шофер Берии и некая сотрудница того же ведомства. Преступников, убивших Райх, так и не нашли.

А Мейерхольда тем временем пытали в Бутырской тюрьме. В своем заявлении на имя В. Молотова режиссер писал:

«Меня здесь били – больного шестидесятишестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновыми жгутами били по пяткам и по спине; когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам (сверху, с большой силой) и по местам от колен до верхних частей ног. И в следующие дни, когда эти места ног были покрыты обильным внутренним кровоизлиянием, то по этим красно-сине-желтым кровоподтекам снова били этим жгутом, и боль была такая, что казалось, что на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток (я кричал и плакал от боли). Меня били по спине этой резиной, меня били по лицу размахами с высоты...»

Напомню, что за всю свою жизнь Мейерхольд был в тюрьме дважды. В 1919 году в Крыму, когда его арестовали белогвардейцы, и ровно через 20 лет после этого Мейерхольд попал в застенки НКВД уже как «японский шпион». Из этих застенков он живым не вышел. 2 февраля 1940 года его расстреляли в подвале здания военной коллегии Верховного суда СССР (здание на Лубянке напротив нынешнего «Детского мира») вместе с группой других заключенных, среди которых был и известный журналист Михаил Кольцов. Реабилитировали Мейерхольда через 15 лет – 26 ноября 1955 года. Причем его родственникам выдали фальшивую справку, в которой сообщалось, что Мейерхольд скончался от болезни 17 марта 1942 года. Однако позднее прокурор Рязский подробно расследовал это дело и установил, что знаменитый режиссер был расстрелян.

Гибель красного литератора

Александр ФАДЕЕВ

Если не брать сталинские годы, когда в энкавэдешной мясорубке погибло несколько сотен советских литераторов самых разных национальностей, то следует признать, что самая громкая трагедия в советской литературе случилась в конце 50-х, когда из жизни ушел один из литературных колоссов – писатель Александр Фадеев. Чтобы понять, что предшествовало этому, рассказ стоит начать с самого начала.

Фадеев родился 24 декабря 1901 года в небольшом уездном городке Кимры Тверской губернии. Его отец – Александр Иванович – в молодости увлекшийся революционными идеями, был родом из бедной крестьянской семьи. С 1885 года он попадает на заметку властям и начинает новую жизнь, полную скитаний, невзгод и постоянных преследований. В 1892 году он приезжает в Петербург и становится одним из активных участников Санкт-Петербургской группы народовольцев. Спустя два года полиция арестовывает его и помещает в Петербургскую тюрьму. Там в один из дней 1896 года по просьбе Политического Красного Креста его навещает 23-летняя слушательница Петербургских фельдшерских курсов Антонина Владимировна Кунц (из обрусевших немцев). Молодые понравились друг другу, и когда Фадееву объявили приговор, пять лет ссылки в отдаленном северном го-

родке Шенкурске – Антонина Кунц отправилась туда вместе с ним. В июне следующего года они обвенчались.

В 1900 году у Фадеевых родилась дочь Татьяна. Затем, год спустя, – сын Александр, а через четыре года – второй сын, Владимир. Однако совместная жизнь родителей не ладилась. Причем виной этому был суровый характер главы семейства. По воспоминаниям близких, Фадеев-старший всерьез считал, что революционеру не следует иметь семью. Он редко баловал детей лаской, был грубоват и резок в отношениях с женой. Мысль о разводе давно уже вынашивалась в его голове. Чашу терпения, судя по всему, переполнил поступок жены, который глава семьи не смог ей простить. В дни революции 1905 года он активно поддерживал эсеров, а его жена – социал-демократов. И Фадеев-старший ушел из семьи (в 1916 году он умрет от туберкулеза).

Два года спустя в семью будущего писателя вошел новый мужчина – двадцатидвухлетний отчим Глеб Владиславович Свитыч. Он был сыном известного польского революционера В. С. Свитыча-Иллича. С матерью Фадеева его сблизила совместная работа в Виленской железнодорожной больнице, где оба были фельдшерами. По словам всех, кто знал Глеба Владиславовича, он с нежной заботой относился к приемным детям. Сам Фадеев много позже признается, что он чтит отчима как родного.

Осенью 1908 года Фадеевы переехали сначала во Владивосток, а затем в небольшое село в 50 километрах от городка

Имана – Саровку. Там Саша Фадеев пошел в школу. Спустя три года Фадеевы решились на новый переезд – в село Чугуевку Сысоевской волости Южно-Уссурийского уезда. Это таежное село считалось одним из заброшенных в округе, где месяцами отсутствовала связь с внешним миром. Не было в селе и врачей, поэтому приезд сразу двух фельдшеров был встречен местными жителями с радостью. К ним в Чугуевку больные ехали чуть ли не со всей волости.

Фадеев с самого детства рос одаренным ребенком. Ему не было и четырех лет, когда он самостоятельно овладел грамотой – наблюдал со стороны, как учили его сестру Таню, и выучил всю азбуку. С четырех лет он начал читать книжки, поражал взрослых неумемной фантазией, сочиняя самые необычные истории и сказки. Его любимыми писателями с детства были Джек Лондон, Майн Рид, Фенимор Купер.

Родители Саши воспитывали своих детей в любви и уважении к труду. Вот как напишет позднее сам А. Фадеев: «Мы сами пришивали себе оторванные пуговицы, клали заплатки и заделывали прорехи в одежде, мыли посуду и полы в доме, сами стелили постели, а кроме того – косили, жали, вязали снопы, пололи, ухаживали за овощами в огороде. У меня были столярные инструменты, и я, а особенно мой брат Володя, всегда что-нибудь мастерил. Мы всегда сами пилили и кололи дрова и топили печи. Я с детства умел сам запрячь лошадь, оседлать ее и ездить верхом...»

Однако семья Фадеевых жила в большой нужде, и когда

встал вопрос о том, чтобы старший сын Александр продолжил свое образование (сельская школа этого не позволяла), было решено отправить его во Владивосток, к тетке, которая была начальницей мужской прогимназии. Так осенью 1910 года Фадеев стал учеником Владивостокского коммерческого училища. Довольно скоро Фадеев выбился в лучшие ученики (даже заработал похвальную грамоту от дирекции), стал посещать литературный кружок при училище (за свои короткие рассказы и стихи он получил несколько премий). Жил он у тетки, однако, чтобы не стеснять ее в средствах, вынужден был в 1914 году (в 13 лет!) зарабатывать себе на жизнь самостоятельно – он устроился репетитором и стал давать частные уроки отстающим ученикам, совмещая эту работу с занятиями в училище. Каким Фадеев был в те годы? Вот как описывает его в характеристике классный руководитель училища: «Фадеев – хрупкая фигурка еще не сложившегося мальчика. Бледный, со светлыми, льяными волосиками, этот мальчик трогательно нежен. Он живет какою-то внутренней жизнью. Жадно и внимательно слушает каждое слово преподавателя. Временами какая-то тень посещает лицо – складка ложится между бровями, и личико делается суровым. Впереди него сидят на парте Нерезов и Бородин. Последний, склонный пошалить, делает гримасы Фадееву, стараясь его рассмешить, но мальчик с укором бросает на него взгляд, сдвигая между бровями морщинку. Черная куртка со стоячим воротником и „меркуриями“ не совсем

хорошо сидит на мальчике: она сшита не у портного (очевидно, домашнего производства). Однако мальчик не смущается того, что одет беднее других: он держится гордо и независимо...»

В доме его тети Марии Владимировны Сибирцевой постоянно устраивались вечера, которые посещала передовая молодежь Владивостока. Не раз здесь бывали и революционно настроенные деятели, в том числе из большевистской партии. Они вели жаркие дискуссии о дальнейшей судьбе России, и часто свидетелем этих споров был Фадеев. Видимо, под их впечатлением юноша в 1917 году становится членом так называемой коммуны – группы демократически настроенной молодежи старших классов коммерческого училища. В том же году Фадеев входит в редколлегию газеты «Трибуна молодежи» и публикует в ней ряд проблемных статей о молодежи и учебе. Товарищи Фадеева читали эти статьи с захватывающим интересом. В них были страстность, живой литературный язык, убедительность в развитии главной мысли.

Примерно в это же время сердце юного Александра посещает первая любовь. Девушку звали Ася Колесникова, она была ровесницей Фадеева и жила недалеко от него. Однако о чувствах, которые испытывал к ней Фадеев, она тогда не знала, даже не догадывалась о них. Да и сам он признается ей в этом только спустя тридцать лет. Приведу отрывок из его письма, датированного 1 июня 1949 года: «Как это вполне естественно бывает с мальчиками и девочками, мы с Ва-

ми, однолетки, развивались неравномерно. Вы были уже, в сущности, девушка, а я еще мальчик. И, конечно, Вам трудно было увлечься этим тогда еще не вышедшим ростом и без всякого намека на усы умненьким мальчиком с большими ушами. Но если бы Вы знали, какие страсти бушевали в моей душе!..

Должно быть, именно в силу неразделенности чувства оно длилось необыкновенно долго для того возраста – три или четыре года. В сущности, только бури гражданской войны заглушили его...»

В начале 1918 года политическая ситуация во Владивостоке заметно осложняется. В апреле в город высаживаются оккупационные войска японцев и англичан. Население города реагирует на это неоднозначно – часть людей приветствует приход иностранцев (мол, теперь в городе установится настоящий порядок), часть активно выступает против. Фадеев, как и все члены «коммуны», был в числе противников оккупации. Однако почти все преподаватели требовали прекратить в стенах училища всяческие политические дискуссии, в противном случае грозя слушникам исключением. Но их требование было нарушено. Вскоре в 7-м классе началась форменная буза – ученики потребовали исключить из училища преподавателя, который на уроке бросил в лицо всему классу фразу: «Вы мерзавцы!» Однако руководство училища не пошло на поводу у бунтовщиков и поступило диаметрально противоположным образом – исключило из

училища нескольких особо активных смутьянов. Но руководители не учли одного – что на сторону исключенных встанет чуть ли не все училище. Вскоре началась забастовка, которая как цепная реакция постепенно охватила многие училища города. Эта забастовка была тут же поддержана Владивостокским Советом рабочих и солдатских депутатов. В конце концов, видя, что сила не на его стороне, руководство коммерческого училища пошло на уступки и удовлетворило все требования стачечного комитета.

Лето 1918 года Фадеев провел у родителей в Чугуевке. А когда в сентябре вернулся во Владивосток, там уже была другая власть – белогвардейская (колчаковский мятеж произошел в июне, и советская власть была свергнута по всему Приморью). Вот как вспоминал затем Фадеев: «Шла кровавая битва, в которую был втянут весь народ, мир раскололся, перед каждым юношей уже не фигурально, а жизненно... встал вопрос: „В каком сражаться стане?“

Фадеев с выбором определился довольно быстро – в том же сентябре он вступил в ряды Коммунистической партии. Так как происходило это в подполье, Фадеев не проходил кандидатского стажа, даже экзаменов по политграмоте у него не принимали. А затем начались его боевые будни. По поручению Владивостокского партийного комитета юные подпольщики (а вместе с Фадеевым в партию вступили еще несколько учащихся коммерческого училища, среди которых были трое его лучших друзей: Женя Хомяков, Гри-

ша Билименко и Петя Нерезов) вели агитационно-пропагандистскую работу среди молодежи города, расклеивали листовки, работали связными и стояли «на стреме» у явочных квартир. В апреле 1919 года Фадеева и его друзей с поддельными паспортами (Фадеев, например, значился Александром Булыгой) переправили в центр партизанского движения края – Сучанскую долину. Так началась новая полоса в жизни юного Фадеева – его «партизанские университеты». У этой «школы» были как светлые, так и темные стороны «обучения». Например, именно там Фадеев впервые по-настоящему увлекся возлияниями. Вот его собственные слова на этот счет: «Я приложился к самогону еще в 16 лет, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Сначала я не хотел отставать от взрослых мужиков в отряде. Я мог тогда много выпить. Потом я к этому привык. Приходилось. Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить. Хотя бы после. Спросите об этом стратосферников, летчиков или испытателей вроде Чкалова. Мне мама сама давала иногда опохмелиться. Я ее любил так, как никого в жизни. Я уважал ее. И она меня понимала. Это был очень сильный человек...»

В начале военной службы Фадеев был прикомандирован к штабу партизанских отрядов Приморья, которыми с мая 1919 года командовал Сергей Лазо. Вскоре Фадеев вместе со своими товарищами был отправлен в агитационный поход в Никольск-Уссурийский уезд с задачей организации новых

партизанских отрядов. Буквально в каждом селе на пути следования им приходилось устраивать митинги и призывать мужское население к переходу на сторону советской власти. Именно во время этого похода Фадеев стал вести дневник, который сослужит ему хорошую службу в работе над первыми произведениями.

Друзья-однополчане в шутку называли Фадеева и трех его друзей четверьмя мушкетерами. Сам Фадеев позднее так напишет о своих друзьях: «Я на всю жизнь благодарен судьбе, что у меня в боевые годы оказалось трое таких друзей! Мы так беззаветно любили друг друга, готовы были отдать свою жизнь за всех и за каждого! Мы так старались друг перед другом не уронить себя и так заботились о сохранении чести друг друга, что сами не замечали, как постепенно воспитывали друг в друге мужество, смелость, волю и росли политически. В общем, мы были совершенно отчаянные ребята – нас любили и в роте, и в отряде. Петр был старше Гриши и Сани на один год, а меня – на два, он был человек очень твердый, неболтливый, выдержанно-храбрый, и, может быть, именно благодаря этим качествам мы не погибли в первые же месяцы: в такие мы попадали переделки из-за нашей отчаянной юношеской безрассудной отваги».

В августе 1919 года Фадеев оказался в партизанском отряде Петрова-Тетерина. В том же месяце под ударами превосходящих сил японцев и белоказаков партизанам пришлось отступить из Сучанской долины в глубь тайги. Осенью от-

ряд, в котором находился Фадеев, встал на постой в его родном селе Чугуевке. Правда, родные Фадеева еще год назад перебрались на жительство в город, поэтому Александр их уже не застал.

В январе следующего года партизаны Приморья перешли в наступление и освободили город Спасск. После вступления в город Фадеев и его двоюродный брат Игорь Сибирцев были избраны в состав Спасского укома РКП(б) и делегатами на IV Дальневосточную краевую конференцию РКП(б), которая состоялась в начале марта. В том же месяце по предложению Сергея Лазо Сибирцев был назначен комиссаром Спасско-Иманского военного района, а Фадеев его помощником.

В начале апреля, нарушив мирное соглашение, японские войска напали на партизанские отряды и гарнизоны красных войск во Владивостоке, Хабаровске, Спасске и других городах Приморья. Во время одного из этих боев Фадеев был ранен. Он наверняка бы погиб, если бы не его товарищ С. Пищелка, который, рискуя жизнью, по пояс в ледяной воде, вынес тяжело раненного Фадеева из японского окружения. Выздоровливал Фадеев уже в городе Имане.

В мае 1920 года Фадеев принял активное участие в эвакуации военного имущества, вооружения и боеприпасов из Приморья в Амурскую область. На пароходике «Пролетарий» с прицепленной баржей он проделал шесть рейсов по реке Уссури. Позднее он так опишет это время: «Рейсы по

Уссури в 1920 году – одно из самых счастливых воспоминаний моей юности. Мне было 18 лет. Я поправлялся после ранения, полученного мною под Спасском, еще хромотал, но уже было ясно, что все будет хорошо. Все время стояла ясная солнечная погода, мы много ловили рыбы неводом, и я – по немощности – бывал за повара. В жизни не едал такой жирной налимьей и сомовой ухи. Постоянное напряжение, опасности, наши, иногда кровопролитные, схватки с дезертирами из армии, не раз пытавшимися овладеть пароходом, чтобы удрать за Амур, – все это только бодрило душу».

Осенью того же года по путевке подпольного Владивостокского комитета партии Фадеев был направлен в Благовещенск для организации комсомола по линии Амурской железной дороги. Однако уже через месяц он вновь попал на фронт – в составе бригады, которой командовал его двоюродный брат Игорь Сибирцев; Фадеев воевал против атамана Семенова. Тогда же Фадеев некоторое время пробыл на посту комиссара 8-й Амурской отдельной стрелковой бригады и был избран на конференцию военкомов, политработников и коммунистов, которая состоялась в начале февраля 1921 года в Чите. На этой конференции Фадеева избрали делегатом на X Всероссийский съезд РКП(б).

Съезд открылся 8 марта, а накануне его открытия вспыхнул мятеж в Кронштадте. На его подавление была брошена 7-я армия под командованием М. Тухачевского, а вскоре к ней присоединилась и часть делегатов съезда. Во время этих

боев Фадеев едва не погиб. Он получил тяжелое ранение и долго пролежал без всякой помощи на льду Финского залива, потеряв много крови. Но врачам в госпитале, куда его затем доставили, удалось спасти ему жизнь. (Стоит отметить, что участие Фадеева в этой военной операции будет отмечено орденом боевого Красного Знамени.)

В госпитале Фадеев пролежал несколько месяцев. Но времени даром не терял – прочитал гору всяких книг, начиная от произведений утопических социалистов и заканчивая Лениным и Блоком. Там же Фадеев влюбился в одну из медсестер, и, хотя его чувство так и осталось неразделенным, в сердце будущего писателя оно оставило след на всю жизнь. Время, проведенное в госпитале, он всегда будет вспоминать как один из самых прекрасных периодов своей жизни.

После выздоровления Фадеева демобилизуют из Красной Армии и отправляют в Москву – работать инструктором Замоскворецкого райкома партии. В столице он живет на квартире своей хорошей знакомой Т. Головниной. Когда в сентябре 1921 года, оставаясь на партийной работе, он поступает в Московскую горную академию, ему предоставляют комнату в общежитии.

В стенах академии Фадеев довольно быстро сумел выбиться в лидеры, завоевал авторитет как среди преподавателей, так и среди студентов. Вскоре его выбирают в партийный комитет академии, посылают делегатом на VII Московскую губернскую конференцию. Однако, напряженно зани-

маясь в академии и ведя партработу, Фадеев тогда же делает первые попытки заняться литературным трудом – пишет свою первую повесть «Разлив», в которой описывает события 1917 года, происходившие в его родном селе Чугуевке. В 1922 году Фадеев вступает во Всероссийскую ассоциацию пролетарских писателей (ВАПП), а спустя год – в декабре 1923-го – в журнале «Молодая гвардия» (№ 9—10) появляется его рассказ «Против течения». С этой публикации и начинается литературная деятельность Фадеева.

Проходить в студентах Фадееву довелось недолго – в начале февраля 1924 года он перешел из академии на второй курс механического факультета Московского механико-электротехнического института им. Ломоносова, однако к занятиям так и не приступил – по партийной линии его направили на Кубань. С апреля Фадеев работает инструктором Кубано-Черноморского обкома партии, а уже в начале июля получает повышение – избирается секретарем первого райкома партии города Краснодара.

По рассказам очевидцев, Фадеев и здесь довольно быстро стал душой коллектива. Его энергия буквально била через край. То он во внеслужебное время руководил самодеятельным хором, то собирал футбольную сборную города и был в ней капитаном. Правда, на последнем поприще он лавров не снискал. Его команда в единственном матче со сборной города Туапсе проиграла с разгромным счетом 0:7 и выбыла из дальнейшего розыгрыша.

Не забывает Фадеев и о литературном творчестве. Именно в Краснодаре Фадеев начинает работать над своим первым крупным произведением о Гражданской войне – «Разгромом». Вскоре эта работа настолько сильно захватывает его, что он всерьез подумывает уйти с партийной работы и целиком посвятить себя литературе. Эта мысль окончательно утверждается в нем в сентябре 1924 года, и он пишет письмо в Москву своим партийным руководителям с просьбой посодействовать его переводу с партийной работы на журналистскую. Его просьбу удовлетворяют. Уже через месяц Фадеева отзывают из Краснодара и переводят в Ростов-на-Дону в качестве заведующего отделом партийной жизни в газете «Советский Юг».

В те же годы происходят изменения и в личной жизни Фадеева. Он знакомится с молодой писательницей Валерией Герасимовой (она была дочерью ссыльного революционера) и вскоре женится на ней. Стоит отметить, что очень многое от ее характера и даже внешности Фадеев позднее вложит в героиню своей книги «Последний из удэге».

Вспоминает В. Герасимова: «В тот период, когда наши отношения только складывались и были таковыми, что Саша со всей страстностью своей натуры любил меня, а я скорее всего позволяла себя любить (хотя внутренне, возможно, под этим скрывалось что-то более глубокое), на меня обрушилось страшное несчастье. Оно было тем более страшно и несправедливо, что я была так молода и, как говорили, кра-

сива... Несчастьем, так нелепо сразившим меня, была предстоящая тяжелая операция. Я могла навеки превратиться в инвалида. Я была сражена, унижена, я думала: как же поведет себя этот человек? Человек из совсем иного (как мне тогда, и тоже в значительной мере ошибочно, казалось) мира. Но твердая, поистине мужественная рука Саши неизменно поддерживала меня. В нем не было ни тени колебания, ни секунды желания „уйти в кусты“. Он обращался со мной не как влюбленный, а как старый, умный, добрый друг. При этом ни тени игры в великодушие, ни грана сентиментальности, а мужественная, серьезная стойкость.

Операция прошла благополучно, и помню, как, очнувшись от наркоза и через день придя в себя, я задышалась от счастья, от возвращенной мне радости жизни и от того, что есть у меня обретенный в страданиях такой друг, как Фадеев».

В конце 1925 года Фадеев назначается на работу в отдел печати Северо-Кавказского крайкома партии. Среди огромной массы всяких дел – работа в газете, в крайкоме – Фадеев находит время и для творчества. На даче под Нальчиком (на хуторе Долинском) он работает сразу над несколькими произведениями: романом «Провинция», повестями «Таежная болезнь» (один из вариантов «Разгрома»), «Смерть Ченювая» (один из первых набросков «Последнего из тазов», позднее – «Последнего из удэге»).

Между тем 1926 год стал для Фадеева переломным. В се-

редине года в газете «Советский Юг» был напечатан отрывок из его романа «Разгром» под названием «Морозка». Отрывок произвел впечатление на всех, в том числе и на руководителей самой привилегированной литературной организации – Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), членом которой Фадеев стал еще в 1922 году. В итоге в конце сентября Фадеев уезжает в Москву, а месяц спустя ЦК ВКП(б) направляет его для постоянной работы в распоряжение ВАПП. Как вспоминают очевидцы, на ростовском вокзале Фадеева провожали в Москву его коллеги-писатели. Один из них надписал ему на память свою книгу, пророчествуя: «Фадеев! Ты въезжаешь в Москву на белом коне...»

Рабочим местом Фадеева в столице стал кабинет оргсекретаря ВАПП на Тверском бульваре («дом Герцена»). А жил Фадеев вместе со своей женой-красавицей Валерией первое время в скромных апартаментах в Сокольниках (на 5-м Лучевом просеке). Чуть позже они переехали поближе к работе – в левый флигель «дома Герцена», который служил жилым домом для многих московских литераторов. Жизнь Фадеева в те годы была довольно скромной. Они с женой не излеществовали, наоборот – часто нуждались в деньгах, на многом экономили. Их крохотная комнатка также носила на себе все признаки спартанского образа жизни: походная кровать, стол, стул и сомнительная возможность умыться. Фадеев долго одевался в то, в чем приехал с юга, – в черную кав-

казскую рубашку с высоким воротником, узкий кожаный пояс с серебряной насечкой, в военные командирские сапоги. Впрочем, скромность тогда сопутствовала практически всем советским литераторам. Но постепенно ситуация начала меняться. С возрастанием роли другой литературной организации – РАПП (Российской ассоциации пролетарских писателей) – писатели, работающие в ней, стали жить гораздо комфортнее, чем все остальные (особенно это касалось верхушки РАПП). Немалую роль при этом играло одно обстоятельство – сестра руководителя РАПП Леопольда Авербаха была замужем за тогдашним главой всемогущего НКВД Генрихом Ягодой. Постепенно РАПП подмяла под себя практически все литературные журналы в стране, создала свои ячейки по всему Союзу (ЛАПП, МАПП, была даже НахРАПП в Нахичевани). В системе этой организации кормились сотни людей. В конце 20-х к ним присоединился и Фадеев, который в структуре РАПП стал одним из ее руководителей – занял пост оргсекретаря. Правда, как утверждают очевидцы, Фадеев вел себя в отличие от своих коллег – того же Л. Авербаха или В. Киршона, которого называли «нуворишем», – достаточно скромно. Но вот по части борьбы с «врагами пролетарской литературы» Фадеев им ни в чем не уступал. Вместе со всеми он громил тогдашних «отщепенцев»: Бориса Пильняка, Евгения Замятина, Андрея Платонова – за то, что они первыми из писателей попытались проанализировать выросшую на глазах командно-административную систему, при-

крывшуюся социалистическими лозунгами. Фадеев был солдатом партии до мозга костей и любое несогласие с линией партии рассматривал как предательство.

Бурная общественная деятельность, которой в конце 20-х годов Фадеев отдавал все свои силы, пагубно сказывалась на его личной жизни. В 1929 году практически распался его брак с Валерией Герасимовой (официальный развод они оформили в 1932 году). Как принято говорить в таких случаях, не сошлись характерами. Сама В. Герасимова позднее укажет на одну из причин их разрыва: «Мое здоровье пошатнулось. Моя грусть, а иногда прямое недомогание порой омрачали жизнь. И еще: я не любила так называемого „общества“, псевдо (для меня псевдо) веселья, различных вечеринок и сборищ. Общение мое с людьми было избирательным. Иное дело Саша, еще молодой человек с неизбывной тогда силой, с навыками иной, „компанейской“ жизни, с органической веселостью...»

В те же годы Фадеев оказался втянутым в историю, которая навсегда легла темным пятном на его репутацию. Рассказывает Л. Овалов: «Фадеев был интересным мужчиной, с шармом, нравился женщинам. В журнале „Красная новь“ работала секретарем прелестная девушка, дочь писателя Оля Ляшко. Фадеев ее соблазнил. А когда она однажды пришла к нему, он даже не вышел, а в грубых, матерных выражениях велел гнать ее. Через несколько дней это повторилось, потом еще... А в Олю был по уши влюблен молодой, очень способ-

ный писатель Виктор Дмитриев. Ради нее он согласился на совершенное безумство. Они сняли номер в Доме крестьянина на Трубной площади, где Дмитриев застрелил Ольгу, а потом себя.

Было возбуждено уголовное дело. А у меня сложились хорошие отношения с ближайшим другом Фадеева Леопольдом Авербахом. Его сестра была женой Ягоды и прокурором Москвы. Как-то я пришел в гости к Леопольду Леонидовичу и увидел у него на столе уголовное дело. Я прочитал его от корки до корки, в том числе и Олины дневники. Было совершенно очевидно, что причиной трагедии стал Фадеев. Делу, естественно, не дали хода».

К 1932 году у Сталина окончательно созревает решение ликвидировать РАПП. Почему? Вот как отвечает на этот вопрос Л. Колодный: «Лидеры РАПП беспрекословно выполняли любые команды вождя, однако стремившийся к единомыслию и единоначалию И.В. Сталин не мог больше терпеть ассоциацию, похожую всем строем, массовостью, генеральным секретарем, секретариатом, пленумами, съездами на некую партию, хотя ассоциация и стремилась быть правовернее папы.

Тайком от руководства РАПП вождь решил не просто распустить ассоциацию, а – в духе того времени – ликвидировать ее, как, скажем, кулачество...»

Стоит отметить, что Фадеев в этот период вел себя достаточно хитро. Посыпая голову пеплом, он постарался отме-

жеваться от своих недавних товарищей (он-то знал, каким боком ему может выйти недавняя дружба с тем же Авербахом, которого в письме Горькому он сам характеризовал как «прекрасного товарища, работающего в литературе не случайно, преданного этому делу и исключительно полезного»). В ноябре 1932 года Фадеев публикует в «Литературной газете» цикл статей под названием «Старое и новое», где обрушивается на руководителей РАПП с сокрушительной критикой, обвиняя их в вульгаризации, групповщине, администрировании и т. д. и т. п. Реакция рапповцев на эту публикацию была соответствующая. Руководитель Московской организации РАПП А. Сурков грозил: «Сашка предал друзей! Но мы еще посмотрим, кто кого! Он еще попляшет!» Однако время рапповцев уже прошло – ассоциацию распустили, а ее верхушку раскидали по стране (к примеру, Л. Авербаха сослали парторгом на Уралмаш). Кстати, тот же писатель Л. Овалов приводит любопытную деталь: когда он посетил Авербаха на Уралмаше, тот рассказал ему, что Фадеев был консультантом шефа НКВД Генриха Ягоды. А в конце разговора бывший руководитель РАПП многозначительно изрек: «Помяни мое слово: Фадеев кончит жизнь самоубийством». Как в воду глядел! Но об этом наш рассказ впереди.

Тем временем превентивные меры Фадеева принесли желаемый результат – его не тронули. Более того, даже поощрили – он вошел в оргкомитет Союза писателей и был приглашен на историческую встречу со Сталиным на квартире

Максима Горького (состоялась 26 октября 1932 года).

Вспоминает К. Зелинский: «Перед тем как встретиться с группой писателей 26 октября (мне пришлось присутствовать на этой встрече, выступать и говорить со Сталиным), состоялась предварительная встреча писателей-коммунистов со Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Бухариным – тоже на квартире у Горького.

Выпили. Фадеев и другие писатели обратились к Сталину с просьбой рассказать что-нибудь из своих воспоминаний о Ленине. Подвыпивший Бухарин, который сидел рядом со Сталиным, взял его за нос и сказал:

– Ну, соври им что-нибудь про Ленина.

Сталин был оскорблен. Горький как хозяин был несколько растерян. Сталин сказал:

– Ты, Николай, лучше расскажи Алексею Максимовичу, что ты на меня наговорил, будто я хотел отравить Ленина.

Бухарин ответил:

– Ну, ты же сам рассказывал, что Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо и он считал, что бесцельно существование, при котором он точно заключен в склеротической камере для смертников – ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин, повтори то, что ты говорил на заседании Политбюро?

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, отвалившись на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

– Ильич понимал, что он умирает, и он действительно ска-

зал мне, я не знаю, в шутку или серьезно, чтобы я принес ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе. Вы самый жестокий член партии.

Эти слова, как показалось Павленко, Сталин произнес даже с оттенком некоторой гордости.

Все замолкли. Никому уже не хотелось дальше расспрашивать Сталина. Но Фадеев, когда рассказывал про этот эпизод, добавил от себя, что Сталин был действительно железный человек, но ему надо было разоблачить клевету Бухарина перед Горьким, и он это сделал...»

Между тем рапповское прошлое Фадеева долгое время не давало покоя его завистникам. И при любом удобном случае они старались лишний раз напомнить ему об этом. Фадееву это, естественно, не нравилось. В конце концов, видимо, следуя поговорке «С глаз долой – из сердца вон», он решает на время покинуть Москву. Уезжает сначала в Башкирию, затем на Южный Урал. В конце августа 1933 года он отправляется в места своей боевой юности – на Дальний Восток. Во время этих странствий он не забывает и о творчестве – заканчивает вторую часть «Последнего из удэге», начинает третью.

В конце 1933 года коммунисты Приморья избирают Фадеева делегатом на очередной XVII съезд партии, который должен пройти в январе следующего года в Москве. Так он вновь оказывается в столице. На съезде Фадеев выступает с докладом, его избирают в состав президиума правления. Но

так как обязанность эта больше общественная, то в Москве его практически ничто не удерживает. В итоге осенью он вновь отправляется на Дальний Восток. Позднее в одном из писем Фадеев так опишет свое внутреннее состояние в тот период: «Все эти годы – с 1930-го по 1936-й – скитался по свету и окончательно, как мне казалось, не мог никого полюбить. Мне было как-то особенно тяжело жить (в смысле жизни личной) вот в эти тридцатые годы, годы самого большого моего одиночества. Вполне уже зрелый человек, я много размышлял над этой стороной жизни своей и сопоставлял с жизнью других. И я понял (и просто увидел по жизни других), что наиболее счастливыми и наиболее устойчивыми, выдерживающими испытание временем, бывают браки, естественно (по ходу самой жизни) сложившиеся из юношеской дружбы, дружбы, носящей или с самого начала романтический характер, или превращающейся в романтическую спустя некоторый срок, но дружбы не случайной, а более или менее длительной, уже сознательной, когда начинают складываться убеждения, формироваться характеры и подлинные чувства. Необыкновенная чистота и первозданность такого чувства, его здоровый романтизм, естественно перерастающий в подлинную любовь, где молодые люди впервые раскрывают друг в друге мужчину и женщину и формируют друг друга в духовном и физическом смысле, рождение первого ребенка – все это такой благородный фундамент всей последующей жизни!»

В августе 1935 года Фадеев вновь возвращается в Москву. Кажется, теперь – навсегда. Ему предоставляют отдельную квартиру (№ 25) в Большом Комсомольском переулке, дом 3а. Однако оседлой жизни никак не получается – в доме нет хозяйки, и Фадеева все время тянет из дома. Осенью с делегацией писателей он едет в Чехословакию, а по возвращении отправляется отдыхать под Сухум. В 1936 году едет в сражающуюся Испанию, а затем месяц живет в Париже. Последняя поездка круто меняет и его личную жизнь. В те же дни во Франции гастролирует Московский художественный театр, спектакли которого Фадеев посещает. Тогда он и знакомится с актрисой Анжелиной Степановой, влюбляется в нее и по возвращении в Москву делает ей предложение руки и сердца.

Наступает печальной памяти 1937 год. В стране начинаются массовые репрессии, в том числе и в среде писателей. Как вел себя в то время Фадеев? По свидетельству очевидцев, он пытался спасти некоторых своих коллег по перу от ареста, но ему это не удалось. К примеру, он публично поклялся своим партийным билетом, что Юрий Либединский – честный коммунист, но с его мнением не посчитались (Либединского исключили из партии). Фадеев выступил в защиту венгерского коммуниста Антала Гидаша, но вновь неудача – того посадили. Отмечу, что в мясорубке сталинских репрессий погибли многие из друзей и соратников Фадеева по Гражданской войне, в том числе Гриша Билибенко, Петя

Нерезов (двое из четырех «мушкетеров»), Паша Цой, арестовали и командира партизанского отряда, в котором сражался Фадеев, Иосифа Певзнера, послужившего прообразом Левинсона в «Разгроме».

В конце 1938 года произошла следующая история. Тогда арестовали известного публициста Михаила Кольцова. Фадеев на правах секретаря Союза писателей стал активно дознаваться, на каком основании арестовали честного человека. Когда об этом стало известно Сталину, он вызвал Фадеева к себе.

– Значит, вы не доверяете нашим органам НКВД, если ставите под сомнение арест Кольцова? – спросил Сталин Фадеева.

– Я просто хочу разобраться, Иосиф Виссарионович, – стоя навывтяжку перед генсеком, отвечал Фадеев. – Я знаю Михаила Кольцова много лет, и у меня ни разу не возникало мысли, что он может быть врагом народа.

– Не стоит слишком доверяться своим чувствам, товарищ Фадеев. Ознакомьтесь лучше вот с этим, – и Сталин протянул гостю серую папку с личными признаниями Кольцова.

Это теперь мы знаем, каким образом добывалось большинство из этих «признаний», а тогда это была тайна за семью печатями. Поэтому Фадеев, ознакомившись с показаниями арестованного, поверил в их правдивость. А может быть, сделал вид, что поверил. Кольцова расстреляли.

Могли посадить и самого Фадеева. Известны несколько

случаев, когда на него писались доносы, в которых подробно вскрывались факты его дружбы и сотрудничества с бывшими рапповцами, а ныне «врагами народа» Л. Авербахом, В. Киршоном (в 1937–1938 годах их расстреляли) и другими. Но ни один из этих доносов не нашел должной реакции со стороны НКВД. Более того, один из доносчиков – писатель Леонид Соловьев (автор книги «Похождения Ходжи Насреддина») – сам был арестован и отправлен в ГУЛАГ. Почему же Фадеева пощадили? На этот счет существует несколько версий, но самая правдоподобная из них – его не дал посадить сам Сталин, которому он очень нравился. За что? Видимо, за преданность. Позднее И. Эренбург так отзовется о Фадееве: «Он был смелым, но дисциплинированным солдатом, он никогда не забывал о прерогативах Главнокомандующего». Любопытно еще одно признание. Первая жена Фадеева, Валерия Герасимова, Сталина ненавидела и еще в 30-е годы считала истинным виновником творившегося произвола (многие ведь думали, что он ничего не знает). В те годы она встретила с Фадеевым и, к своему изумлению, узнала, что он совершенно искренне любит Сталина.

Именно Сталин в 1938 году предложил отныне именовать руководителя Союза писателей СССР генеральным секретарем и повелел избрать на этот пост именно Фадеева. Год спустя Фадеева избрали и членом Центрального Комитета партии. В декабре того же года писатель удостоился огромной почести – Сталин пригласил его на свое 60-летие, которое

справлялось в узком кругу соратников.

Об одном из интересных случаев, произошедших в том же году, рассказывает первая жена Фадеева В. Герасимова:

«Когда в 1939 году группу писателей представляли, по рекомендации руководства СП, к орденам, докладывал Сталину Фадеев... Лишь много позднее я узнала от Саши, что, когда при чтении списка представленных к награждению черед дошел до меня, Сталин, глядя на него так, как, очевидно, он в нужные моменты умел глядеть, спросил: „А что, товарищ Фадеев, представляет собой эта Герасимова?“ Было поразительно, невероятно, что ОН мог даже поинтересоваться мной. Но вопрос был зловещим. Саша никогда не говорил мне, как мужественно и благородно поступил он под этим взглядом, рискуя многим. Но П. Павленко, игравший в ту пору видную роль в Союзе писателей и присутствовавший на этом заседании, рассказал мне, что Саша, весь, правда, при этом покраснев (такая была у него особенность!), твердо ответил, что это „одаренный писатель“. И еще что-то, опровергающее возможную клевету. Сталин, не спуская с него глаз, выждал паузу... И Саша ее выдержал...»

Стоит отметить, что, помимо Сталина, к Фадееву довольно доброжелательно относились и другие члены Политбюро: Ворошилов, Молотов, Каганович. Единственным человеком, кто относился к нему иначе, был Лаврентий Берия. Фадеева он ненавидел. Впрочем, те же чувства испытывал к нему и сам Фадеев. История этой ненависти восходит к 1937

году.

В том году по заданию Сталина Фадеев и его коллега по перу Петр Павленко отправились в Грузию, на очередной съезд компартии республики. Сталин попросил Фадеева записать свои впечатления о съезде и представить ему на суд. И такое письмо вскоре было ему отправлено. О чем же написали в нем писатели? Они сообщили Сталину о том, что в Грузии присутствует настоящий культ личности товарища Берии. Мол, его бюст стоял в центре города, а делегаты съезда каждый раз вставали, когда Берия входил в зал заседаний. Такое почитание, писали Фадеев и Павленко, расходуется с историей и традициями большевистской партии, и это абсолютно ни к чему.

Письмо через несколько дней дошло до Сталина, однако ожидаемого его авторами результата не принесло. Берию даже не пожурили, а наоборот – в середине 1938 года перевели на работу в Москву и назначили сначала заместителем, а затем и шефом НКВД. Однако история с письмом на этом не закончилась.

Спустя какое-то время известный в те годы актер – исполнитель роли Сталина в кино – Михаил Чиаурели по секрету поведал Фадееву такую историю. Однажды он был приглашен на обед к Сталину. Когда Чиаурели пришел, за столом, кроме хозяина, был еще один человек – Берия. И во время застолья между ними состоялся такой диалог. Сталин сказал:

– Что-то ты, Лаврентий, говорят, культ себе устраиваешь

на родине, статуи воздвигаешь?

– Откуда такая информация, Иосиф Виссарионович? – удивился в ответ Берия.

– Слухами земля полнится, – хитро улыбаясь, ответил Сталин. – Среди писателей такой разговор был.

Тут Чиаурели заметил, что и по лицу Берии пробежала хитрая усмешка. По-видимому, он догадался, откуда растут ноги у этого слуха. А затем эту догадку подтвердил и сам Сталин. Он достал из нагрудного кармана своего френча сложенное вчетверо письмо Фадеева и передал его Берии. Мол, прочти на досуге. С тех пор Фадеев стал лютым врагом шефа НКВД. Однако превратить писателя в лагерную пыль Берия, естественно, не мог – на пути этого стоял сам Сталин. Поэтому Берия наносил удары исподтишка, в основном по близкому окружению Фадеева. К примеру, перед самой войной он арестовал родную сестру первой жены писателя Марианну Герасимову. Стоит отметить, что та в свое время работала в ГПУ и слыла там одной из самых фанатичных сотрудниц. Она была коммунисткой до мозга костей и разоблачала «врагов народа» со свойственным ее фанатизму темпераментом. И вот теперь ее саму арестовали. Несмотря на то, что Фадеев попытался предпринять все возможное, чтобы вызволить свою бывшую родственницу из тюрьмы – он написал два письма лично Берии, – у него ничего не получилось. Марианну отправили в «Алжир» (Акмолинский лагерь жен изменников родины), где она пробыла около пяти

лет. Только в конце войны ее освободили, однако запретили возвращаться в Москву и ряд других крупных городов Союза. Не вынеся этого последнего издевательства, Герасимова покончила с собой. А в мае 1945 года опасность едва не нависла над самим Фадеевым. Что же произошло?

В один из дней Берия пригласил его к себе на дачу. Отказаться Фадеев не смог. Ужин был изысканный: тонкие вина, лососина, черная икра. Разговор шел о литературе, вернее, о проблемах, сопутствующих ей. В частности, Берия коснулся вопроса о том, что в Союзе писателей СССР существует гнездо иностранных шпионов, а генсек союза этого не замечает. Фадеев на это возразил: «Почему вы выдвигаете такие предположения, внушая их Иосифу Виссарионовичу, в которые я, работая бок о бок с людьми и хорошо зная их, просто не могу поверить?» Берии этот вопрос не понравился. Он прервал разговор и, поднявшись из-за стола, пригласил гостя в бильярдную. Но там, во время игры в «американку», вновь запел старую песню – про шпионов. И тут Фадеева прорвало (видимо, сказался выпитый коньяк, который Берия усиленно подливал ему в бокал). Фадеев начал говорить, что вообще нельзя так обращаться с писателями, как с ними обращаются в НКВД, что эти вызовы, эти перетряски, эти науськивания друг на друга, эти требования доносов – все это нравственно ломает людей. В таких условиях не может существовать литература, не могут расти писатели. Берия сначала пытался отвечать гостю вежливо, но затем и его понесло. Он начал

кричать, размахивать руками, и они окончательно разругались. В один из моментов Берия бросил кий на стол и ушел в гостиную за своим пиджаком. И Фадеев воспользовался моментом – через другую дверь он неслышно вышел на террасу, спустился в сад и дошел до ворот. Часовые, стоявшие там, узнали его и беспрепятственно выпустили. Фадеев быстрым шагом отправился на Минское шоссе. Далее послушаем его собственный рассказ:

«Прошло минут пятнадцать, как я скорее догадался, а потом услышал и увидел, как меня прощупывают длинные усы пущенного вдогонку автомобиля. Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян. Я улучил момент, когда дрожащий свет фар оставил меня в тени, бросился направо в кусты, а затем побежал обратно, в сторону дачи Берии, и лег на холодную землю за кустами. Через минуту я увидел, как „Виллис“, в котором сидело четверо военных, остановился возле того места, где я был впервые замечен. Они что-то переговорили между собой – что, я уже не слышал, – и машина, взвыв, помчалась дальше. Я понял, что если я отправлюсь в Москву по Барвихинскому, а потом Минскому шоссе, то меня, конечно, заметят и собьют. Поэтому, пройдя вперед еще около километра за кустами, я перебежал дорогу и пошел лесом наугад по направлению к Волоколамскому шоссе. Я вышел на него примерно в том месте, где проходит мост через Москву-реку у Петрова-Дальнего. Пройдя еще полкилометра, я сел в автобус, приехал к

себе на московскую квартиру, где официально, так сказать, я был уже в безопасности. Не знаю, сообщил ли Берия Сталину о нашей встрече или нет. Однако в отношении Сталина ко мне усилились те язвительные ноты, которые, впрочем, были у него всегда...»

Однако вернемся в конец 30-х.

Близость к сильным мира сего не самым лучшим образом сказалась на творчестве Фадеева. В конце 30-х годов он не писал ничего серьезного, кроме небольших очерков и каких-то никчемных сценариев. Вот как пишет Л. Колодный: «Он рано поседел. Страдал от бессонницы. Чтобы ее побороть, начал пить... Заболел так сильно, что санитары регулярно наезжали к нему домой и увозили в больницу. Болезнь эта – расплата за близость к власти. Другая плата – творческий застой. Илья Эренбург по этому поводу писал: „Говорили также, что Фадеев мало пишет потому, что много пьет. Однако Фолкнер пил еще больше и написал несколько десятков романов. Видимо, были у Фадеева другие тормоза“.

Александра Фадеева никто не преследовал, перед ним были раскрыты все двери – издательств, журналов, театров. Но он мало что нес туда... Он лишился способности творить. Вот как наказала судьба большого писателя. Как бабочка, он слишком близко приблизился к тому огню, что горел в Кремле. И обжег крылья...

Творческое вдохновение Фадееву вернула, как ни странно, война. Он явственно ощутил, что его вдохновенных

строк не хватает всем: и тем, кто ушел на фронт и бился с врагом, и тем, кто остался в тылу. В августе 41-го вместе с Михаилом Шолоховым он побывал на Западном и Калининском фронтах. Итогом этих поездок стало несколько опубликованных в «Правде» репортажей. Однако там же он заболел и сильную простуду, после чего вынужден был лечь в знаменитую «кремлевку» (улица Грановского, 2). Пока лежал, в его доме в Большом Комсомольском разместили военное учреждение. Поэтому, когда он выписался, ему пришлось искать для себя временное пристанище у друзей (жена с ребенком к тому времени эвакуировались). Как рассказывают очевидцы, эта неустроенность вновь толкала Фадеева на уходы «в пике». А он тогда был назначен заместителем начальника Совинформбюро А. С. Щербакова, с которым у него были, мягко говоря, плохие отношения. И вот однажды Щербакову срочно понадобился его заместитель, а того никак не могут найти. На снимаемой квартире его не было, не было его и у ближайших друзей. «Опять пьет в каком-нибудь „шалмане“!» – метал громы и молнии Щербаков. – Найти немедленно!»

В конце концов с помощью самого Берии, который знал все тайные пристанища Фадеева, писателя обнаружили на какой-то квартире на Красной Пресне. Естественно, под хмельком. Далее – рассказ самого А. Фадеева:

«Я хоть и был членом ЦК, но сидел в приемной комнате, как проситель. Сжался весь, напряглось у меня все внут-

ри. Думаю, скажу сейчас Щербакову такие слова, за которые меня не только из ЦК, но и из партии вышибут. Я ненавижу Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки. Но вот вышел из комнаты, где происходило заседание, А. А. Андреев (в те годы он был секретарем ЦК ВКП(б). – Ф. Р.), подошел ко мне, посмотрел в глаза, на сведенные брови, почувствовал мое отчаяние, положил мне на плечо руку и сказал тихим простым голосом:

– Что с вами, товарищ Фадеев? Нехорошо вам, голубчик?

И вдруг пропала у меня вся моя выдержка, вся напряженность, неудержимо хлынули слезы, и я закрыл лицо руками.

– Ничего, товарищ Фадеев, – сказал мне Андреев, – ведь тут ваши товарищи сидят. Разберемся как-нибудь в вашем горе.

Спас меня Андрей Андреевич. Как-то вышло с этими слезами все тяжелое, что накопилось в душе. На секретариате дали мне только выговор, хотя Щербаков и требовал моей крови...»

Примерно тогда же бездомность Фадеева на время прекратилась – его принял к себе писатель Павел Антокольский, проживавший на улице Щукина. Прожив у него несколько месяцев, Фадеев затем улетает в блокадный Ленинград. Там много работает как журналист, пишет очерки о героях-блокадниках. А в 1943 году ему предлагают написать «Молодую гвардию». Но об этом стоит рассказать подробнее.

Краснодон наши войска освободили в начале 43-го. Тогда же стало известно о подвиге молодежной подпольной организации «Молодая гвардия», которая действовала под самым носом у фашистов. В середине того же года об этом подвиге написала «Комсомольская правда», а в сентябре появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении молодогвардейцев: пятерых из них удостоили звания Героя Советского Союза (посмертно), а еще сорок пять были награждены боевыми орденами. Примерно в то же время ЦК ВЛКСМ обратился к Фадееву с предложением написать о подвиге молодогвардейцев книгу, которая могла бы стать прекрасным примером мужества и героизма для подрастающих поколений. Фадеев, давно испытывавший потребность создать крупное, серьезное произведение, ухватился за эту идею. Позднее он расскажет: «Тому, что я написал этот роман, я прежде всего обязан ЦК ВЛКСМ, который предоставил в мое распоряжение огромные материалы комиссии, которая работала в Краснодоне после его освобождения задолго до того, как были эти материалы опубликованы в печати».

В конце того же года Фадеев отправился в Краснодон — к месту действия своего будущего романа. Работал он, как сам позднее признавался, «с упорством изюбря», испытывая не только привычную для него неудовлетворенность собой, но и мгновения истинного воодушевления, писал «на нервах» и с радостью, «ломая перья». Неумемному творческому

порыву сопутствовало все: и прекрасная героическая тема, и материальное вознаграждение, которое гарантировал издательский договор. Кстати, на деньги, полученные по этому договору, Фадеев впоследствии неплохо «развернулся»: к казенной даче (ранее она принадлежала писателю Зазубрину, расстрелянному в 1937 году) присовокупил еще одну – двухэтажный особняк из фондовых материалов по казенной цене на участке Литфонда. Да еще детям своим на том же участке отдельную дачу воздвиг. Квартиру отдал старшему сыну, а новую, пятикомнатную, получил для себя с женой. Короче, «упаковался».

Роман «Молодая гвардия» был закончен в начале 1945 года и вскоре оказался на столе главного редактора газеты «Красная звезда» Всеволода Вишневского. Он и стал его первым читателем. Тогда же он записал свои первые впечатления о романе:

«Вещь, чувствуется, масштабная, экспозиция неторопливая, широкая... Степь, знойное и мучительное лето 1942 г. даны прочно, верно... Смело и четко обрисовывается образ Олега Кошевого. И хорошо, чисто дан образ Ули... Прямо и горько даны все эпизоды с эвакуацией, отступлением. Постепенное нагнетание, нарастание тревоги и беды сделано умело и сильно... Удивительно написано патетическое обращение к матери, чистое, волнующее до слез, трепетное...

Лучше стал писать Фадеев. Лучше».

Когда роман Фадеева вышел в свет, успех его был гран-

диозным. Справедливо считается, что прецедентов такому успеху у нас в стране нет. Его читали везде: в городах и селах, в таежной глуши и в землянках на передовой. В том же, 45-м, году роман был удостоен Сталинской премии. В 1946 году режиссер Сергей Герасимов поставил на его основе спектакль, а год спустя снял фильм «Молодая гвардия», в котором главные роли сыграли студенты его курса.

Вспоминает И. Макарова (сыграла в фильме роль Любви Шевцовой): «Летом 1947 года наша киноэкспедиция выехала на съемки в Краснодон. То, чем мы занимались там, можно назвать восстановлением факта. Родные и близкие казненных молодогвардейцев, преодолев боль воспоминаний, рассказывали нам, как происходили события, показывали места, давали советы. Сергей Герасимов прислушивался к их рассказам, по ходу дела уточняя сценарий. Почти полгода работала наша киноэкспедиция в местах борьбы юных подпольщиков с немецкими захватчиками...

Когда я познакомилась с матерью Олега Кошевого – Еленой Николаевной, долго не могла задать ей ни одного вопроса о сыне. Мне казалось, что ее глаза выражают все, что я хотела и не осмеливалась спросить. Нужно было просто сидеть с нею рядом, гладить ее руку, видеть ее слезы, слезы сильного, мудрого и безутешного человека...

Так же, по-моему, чувствовали себя и все остальные актеры. Ведь все мы жили в семьях своих героев. Нонна Мордюкова – у Громовых, Людмила Шагалова – у Борц, а Во-

лодя Иванов – у бабушки и мамы Олега Кошевого. Мы все понимали, как мучительно трудно было семьям, где еще не зарубцевались раны потери самых близких людей, принять незнакомых, в сущности, ребят-актеров, поверить, что в них – продолжение жизни их безвременно ушедших детей...

Мы старались сосредоточиться на том, чтобы сделать фильм максимально подлинным, не допустить даже малейшего искажения событий. Он создавался как документальный...»

На самом деле многие события, описанные Фадеевым в «Молодой гвардии», оказались далекими от правды. Сам Фадеев, создававший свое произведение по горячим следам событий, естественно, этого предугадать не мог. Как правоверный коммунист, он находился в плену царившей в те годы в стране идеологии и отступить от нее не имел права. Да и не для того он садился за этот роман, чтобы на его основе выносить суд истории. В чем же он был не прав? Каждый из критиков предъявлял ему свой счет. К примеру, Сталин, который рукописный вариант романа принял с восторгом, после его экранизации вспылал совсем иными чувствами. Он разглядел страшный изъян – полное отсутствие и в книге, и в фильме руководящей роли партии. Получалось, что молодогвардейцы совершали подвиги исключительно по своей инициативе. Сталина это возмутило. Как гласит одна из легенд, однажды он вызвал к себе на дачу Фадеева. Когда тот вошел в кабинет генсека, Сталин сидел за столом и что-то

читал. Наконец он поднял глаза на гостя и, смерив его своим колючим взглядом, неожиданно спросил:

– Вы, товарищ Фадеев, кто?

Фадеев похолодел. Он явственно почувствовал в этом вопросе какой-то подвох, но какой именно, никак не мог сообразить. Между тем пауза затягивалась, и Фадеев понимал, что его молчание только усугубляет ситуацию. Наконец он ответил:

– Я писатель, товарищ Сталин.

Как оказалось, тот ждал именно такого ответа. Потому что он смерил гостя презрительным взглядом и произнес:

– Вы говно, товарищ Фадеев, а не писатель. Писатель – это Чехов Антон Павлович, – и Сталин похлопал ладонью по раскрытой книге, которая лежала перед ним на столе. – Мало того, что вы написали беспомощную книгу, вы написали еще идеологически вредную книгу. Вы изобразили молодогвардейцев чуть ли не махновцами. Но разве могла существовать и эффективно бороться с врагом на оккупированной территории организация без партийного руководства? Судя по вашей книге – могла.

Сталин выдержал паузу, видимо, надеясь, что Фадеев сделает попытку защищаться. Но тот молчал, стиснув зубы и сжав кулаки. И тогда Сталин раздраженно махнул рукой и произнес:

– Идите и думайте, товарищ Фадеев.

После этой аудиенции многочисленные критики как по

команде (а такая команда действительно была дана из Кремля) обрушились на роман. Кульминацией этих событий явилась редакционная статья в «Правде» от 3 декабря 1947 года. После этого Фадеев вынужден был сесть за переработку первого издания. Однако не только в отсутствии четкой идеологической линии обвиняли тогда Фадеева. Были и упреки страшнее. Фадеев писал книгу, основываясь на результатах следствия. Однако оно в своих заключениях пошло по ложному следу: один из бывших полицейских оклеветал члена штаба В. Третьякевича. И хотя Фадеев вывел предателя под фамилией Стахович, но большинство читателей догадались, о ком идет речь (этому помог и сам Фадеев, который, упоминая в романе фамилии восьми членов штаба, не назвал только одно имя – Третьякевича). Была в книге и масса других неточностей и несправедливостей. В 50-е годы их сумел установить и вынести на суд общественности журналист Ким Костенко. Что же он узнал?

Оказывается, комиссаром «Молодой гвардии» был отнюдь не Олег Кошевой, а тот самый Виктор Третьякевич. Однако Фадеев оказался под влиянием местного отдела КГБ (его консультировал майор-особист), который имел свой взгляд на события недавнего прошлого. В итоге Фадеев был направлен в дом к матери Кошевого, жил у нее и заходил только в те дома, которые указывала ему она. Буквально все родители молодогвардейцев были обижены за это на мать Кошевого.

А семью Третьякевичей после выхода романа в свет просто возненавидели. Брат Виктора капитан Владимир Третьякевич прошел войну, хотел продолжать военную карьеру, но «благодаря» роману лишился всего. Клеймо «брат предателя» на многие годы легло на него. То же самое произошло еще с одним братом Виктора – Михаилом. Во время войны он был комиссаром партизанского отряда, а демобилизовавшись, должен был занять пост секретаря обкома по идеологии. Но назначение не состоялось – Михаила отправили работать на мельницу. К тому времени с памятника-пирамиды на могиле молодогвардейцев уже была сбита фамилия Третьякевича, и его мать только под покровом темноты могла приходить на могилу сына.

Правда в отношении Третьякевича восторжествовала только спустя тринадцать лет после выхода первого издания романа – в 1960 году он был удостоен (посмертно) ордена Отечественной войны 1-й степени как «первый комиссар „Молодой гвардии“». После этого значительные правки внес в свой фильм и Сергей Герасимов. В финальных кадрах картины предатель Стахович ползал на коленях перед молодогвардейцами, приговоренными к смерти, и молил простить его за малодушие. В новой редакции Герасимов этот эпизод вырезал. Более того, был переозвучен финал картины – отныне диктор в числе прочих героев-молодогвардейцев называл и Виктора Третьякевича.

Но история с Третьякевичем оказалась не последним от-

крытием Костенко. Ему удалось доказать, что Фадеев, мягко говоря, ошибался и в отношении двух других предателей – Лядской и Выриковой. По версии писателя, эти подружки прислуживали немцам, за 23 марки в месяц работали осведомителями в гестапо. Между тем эти «подружки» в действительности даже не знали друг друга, каждая из них считала, что вторая фамилия в романе – плод писательской фантазии. Эта фантазия дорого стоила обеим – им пришлось пройти через ГУЛАГ, и только спустя много лет они были реабилитированы.

Несправедливо обошелся Фадеев и с командиром «Молодой гвардии» Иваном Туркеничем – в романе он всего лишь рядовой член организации. Но вина писателя была здесь минимальной – в этом было больше происков КГБ. Дело в том, что Туркенич попал в Краснодар, бежав из плена. А к таким людям в сталинские времена относились с подозрением. Вот и пришлось вывести его в книге как рядового. В 1990 году Туркенич был награжден (посмертно) Золотой Звездой Героя.

Стоит отметить, что настойчивые изыскания Костенко уже в те годы (в конце 50-х) подвергались сильнейшей обструкции. Естественно – он ведь разрушал легенду. Огонь по нему велся из всех орудий. К примеру, актер Владимир Иванов, сыгравший в фильме роль Олега Кошевого, чуть ли не ежедневно бомбардировал ЦК КПСС письмами с требованиями разобраться, «на чью мельницу льет воду журналист

Костенко». Однако письма эти не возымели действия – в ЦК знали, что Иванов сильно пьет и в таком состоянии ему всякое мерещится.

В другом случае против Костенко выступил популярный в те годы журнал «Юность». После опубликованного на его страницах материала дотошного журналиста буквально за-тащали по кабинетам в ЦК комсомола. Но он выстоял. Даже издал книжку о молодогвардейцах, правда, тираж ее был ограниченным. В 1990 году Ким Костенко погиб в автокатастрофе в Праге.

За последние несколько лет в средствах массовой информации появилось несколько публикаций, которые весьма нетрадиционно трактуют события, описанные в романе Фадеева «Молодая гвардия». Вот одна из них – статья об А. Добровольском, опубликованная в «Комсомольской правде» в октябре 1997 года. В 50-е годы его осудили по политической статье, и в лагере судьба свела его с бывшим бургомистром Краснодона Стаценко. Далее послушаем рассказ журналиста А. Букреева:

«26 декабря штабу „Молодой гвардии“ стало известно, что в городе остановились автомашины с новогодними подарками для немецких солдат. Нанести хоть небольшой урон фашистам – было горячим желанием всех юных патриотов. Поэтому большая часть членов штаба приняла участие в „разгрузке“ машин... Посоветовавшись с членами штаба, Мошков решил с помощью подростков продать на база-

ре часть сигарет из новогодних фашистских подарков». Так описаны подвиги молодогвардейцев в книге «Молодая гвардия». Сборник документов и воспоминаний...»

Не за диверсии и антифашистскую пропаганду, а именно за эту «разгрузку» и расстреляли героев-краснодонцев. Об этом Добровольскому рассказал солагерник, бывший бургомистр Стаценко. Ребят бывший бургомистр знал хорошо, некоторых особенно – по приводам в милицию. Сергей Тюленин был известен в округе как прибалтанный паренек, ходивший с золотой фиксой и в кепке, натянутой на брови.

– Увидели пацаны дорогие импортные сигареты, вот глаза и разгорелись, – говорил Стаценко. – На рынке это дело ох как хорошо шло.

Первым, кто допрашивал молодогвардейцев, был именно Стаценко. Ребята, на его взгляд, «поперли в дурь»: мы, мол, не какие-нибудь уголовники, а борцы с оккупантами. Бургомистр, как мог, пытался отмазать пацанов от партизанщины. Но провокаторы напели секретной полиции другие песни. Ребят расстреляли как членов коммунистического подполья. Версия, подчеркиваем, принадлежит бургомистру – но сегодня ясно: для верного понимания того, что творилось в Краснодоне, только романа Фадеева маловато».

Вернемся непосредственно к Фадееву.

Роман «Молодая гвардия» вышел в новой редакции в декабре 1951 года. Сталину он понравился, и Фадеева наградили орденом Ленина (награждение приурочили к 50-летию

писателя). По случаю юбилея был устроен пышный вечер в Концертном зале имени П. И. Чайковского. Однако в присутствии напыщенных ораторов, которые один за другим выходили к трибуне, фигура самого Фадеева выглядела отнюдь не праздничной. Нарушая все правила этикета, он провел сеанс садомазохизма: напомнил собравшимся, что он чуть ли не писатель-неудачник. И далее перечислил: написал всего два законченных романа – «Разгром» и «Молодая гвардия» (разрыв между их выходом 20 лет!), эпопею «Последний из удэге» не завершил, собирался написать роман «Провинция», но так и не написал, задумал повесть о жизни колхозной молодежи – вновь неудача. Короче, хвалиться особенно нечем.

Безусловно, Фадеев был неглупым человеком. В отличие от большинства коллег-писателей, которые давно уже променяли свой талант на прислуживание политической конъюнктуре и совершенно по этому поводу не расстраивались, Фадеев делал пускай безуспешные, но попытки изменить сложившееся положение. Он даже к Сталину стал относиться несколько иначе, чем это было каких-нибудь пять лет назад. Например, теперь он не боялся иногда игнорировать его настойчивые приглашения к себе на дачу. Однажды свидетелем такого фадеевского отказа стал его приятель К. Зелинский. Они сидели на даче у Фадеева в Переделкине, в это время приехал фельдъегерь от Сталина и вручил депешу: «Товарищ Сталин просит Вас быть завтра между 5 и 6 часа-

ми на его даче на обеде. Машина будет за Вами послана». Но Фадеев, прочитав текст, послал свою мать сказать фельдшерю, что завтра приехать он никак не может по причине болезни. Врал, конечно. А когда Зелинский удивился – мол, зачем отказываться от приглашения, ведь не каждый день выпадает возможность отобедать со Сталиным и между делом поговорить о насущных литературных делах, – Фадеев ему ответил: «Я не могу поехать, потому что я уже седой человек и не хочу, чтобы меня цукали, высмеивали. Мне уже трудно выносить иронию над собой. Я не котенок, чтобы меня тыкали мордой в горшок. Я человек. Ты это понимаешь? Там будет этот самый Берия. Ты знаешь, какие у меня с ним отношения. Я знаю, что меня там ждет. Меня ждет иезуитский допрос в присутствии Сталина».

Видимо, чтобы окончательно обрубить себе малейшую возможность оказаться на обеде у Сталина, Фадеев на следующий день ушел в запой. Кстати, он часто так поступал в случаях, когда не желал делать что-либо, противоречившее его желанию. К началу 50-х годов Фадеев был уже сильно больным человеком – запойным алкоголиком. Бывали случаи, когда он, будучи в сильном подпитии, падал прямо на улице и спал на этом месте до утра. К счастью, это происходило не зимой, иначе он бы никогда не проснулся. Чаше всего Фадеев пил вне дома – один или в компании случайных или постоянных собутыльников (например, он очень любил выпивать в доме некоего электромонтера, проживавшего недале-

ко от Переделкина – в селе Федосьине).

В те годы его часто видели сиротливо стоящим в очереди в магазине на станции Переделкино. Тот же К. Зелинский вспоминает: «Писатель М. Бубеннов (как он рассказывал мне) приехал на станцию на своем блестящем „ЗИМе“. Они с шофером решили зайти в местную „забегаловку“. Возле стойки стояла небольшая очередь, среди которой были грузчики со станции, сезонные рабочие, те неопределенного вида мужчины и женщины, всегда плохо одетые, в стоптанных ботинках, которые начинают свой день со стопки и заканчивают его той же стопкой. В этой цепочке людей, дежуривших возле стойки с одним продавцом в фартуке, который наливал в стаканчики по сто граммов, отпускал засохшие бутерброды с заплесневелой колбасой, разливал в кружки пиво, предварительно обмакнув их в ведро с мутной водой, стоял и высокий человек в сером пиджаке, в шляпе, прямо державшийся. Его ярко-серебряная голова выделялась над всеми. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, смиренно дожидаясь своей очереди.

– Я его сразу узнал, – сказал мне М. Бубеннов. – Я подошел и тронул его за рукав: «Александр Александрович! Поедемте ко мне».

Тот обернулся, и я увидел лицо, заросшее седой щетиной, какое-то измятое, в котором глубокая внутренняя печаль сочеталась с мгновенно возникшим выражением наигранной мужественности, веселости и готовности шутить над собой

и своей земной долей. А. А. Фадеев замигал глазами:

– А выпить будет что?

– Организуем. Хватит.

М. Бубеннов живет во Внукове на улице Маяковского... Когда они приехали, жена Бубеннова Валя позвала их закусить к столу. Но Фадеев не захотел войти в дом. Им накрыли за маленьким круглым столиком, вкопанным в землю, выкрашенным в тот же ярко-зеленый цвет, что и дача Бубеннова. Это укромный уголок сада. Из него видна только дача Утесова, забор которой граничит с дачей Бубеннова. В этом уголке А. А. Фадеев прожил еще двое суток. Первые сутки они почти не ложились и сидели вместе за столом.

– Александр Александрович разулся, – рассказывала Валя Бубеннова, – и я увидела, что его ноги были все в волдырях, – так он натер их ботинками, беспрерывно блуждая в лесу. Было просто страшно глядеть на эти сорванные волдыри. Я подала на стол пол-литра водки, хлеб и редиску. Александр Александрович выпил очень немного. Потом он взял редиску и начал ее засовывать в рот прямо с зеленью и жадно заедать хлебом. Видно было, что он очень голоден...»

Нельзя сказать, что Фадеева в периоды его уходов «в пике» не лечили. Однако, видимо, убедившись в том, что сам он отнюдь не горит желанием «завязать», делали это халатно, по-бюрократически. Вот как вспоминает об этом В. Герасимова: «Был раз навсегда заведенный порядок: его где-либо обнаруживали, появлялась санитарная машина с двумя

служителями в белых халатах – на случай, если бы „сам не пошел“. Саша исчезал. Исчезал в стенах Кремлевской больницы на три, четыре, пять месяцев. Странно, что подобный метод не применялся к иным хроническим алкоголикам. Думается, что была в этом узость мышления тех, кто лечил, и некоторая, может быть, неосознанная мстительность со стороны „правильных“, хороших, из тех, кто расправлялся с несправедным (особенно по их законам) человеком. Удивительнее всего, что корили и поучали его даже такие, мягко говоря, „сильно пьющие“, как Твардовский и Шолохов...

Иногда в больницу его забирали «слишком рано». Чтобы не подвергаться больничной изоляции, Саша порой просто прятался. Но его находили. Да и нелегко было члену ЦК и генсеку СП исчезать, не оставляя следа».

Между тем в периоды «просветов» Фадеев являл собой вполне нормального представителя достойного семейства. В мае 1950 года он напишет в одном из писем А. Колесниковой: «У нас – дети, которых я так несправедливо и жестоко был лишен и о которых я так мечтал (сын Саша родился в конце 30-х, Миша – в 1945 году). Жена моя – актриса Московского Художественного театра Ангелина Осиповна Степанова, актриса очень талантливая, всю свою духовную жизнь отдающая этому любимому делу. В быту она мало похожа на „актрису“ в привычном понимании, она – большая семьянинка, страстно любит детей, просто одевается, штопает носки своему мужу и „пилит“ его, если он выпьет лиш-

нюю рюмку водки...»

Однако известно, что в последние годы жизни Фадеев был влюблен в другую женщину – некую К. С. О них всюду судачили в Переделкине, строили различные догадки по поводу дальнейшего развития этого романа. Однако сам Фадеев в разговоре с К. Зелинским как-то признался: «Я ничего не могу поделать с собой по отношению к жене. Мне ближе всех оказалась теперь К. С. Я даже хотел на ней жениться. Но я не был с ней близок. Я много раз ночевал у нее, но не спал с нею. Она жила с Катаевым, а со мной вот не захотела. А я сейчас считаю, что, если бы она меня по-настоящему приглубила, я бы бросил все и уехал бы с ней куда-нибудь жить далеко или, еще лучше, пошел бы с ней пешком. Я вообще не знаю, как надо устраивать жизнь с женой и где найти место между женщиной и тем главным, чему я служу. А я слуга партии...»

Но вернемся к творчеству и государственной деятельности Фадеева.

В начале 50-х как слуга партии он включился в широкую коммунистическую кампанию и отправился во Вроцлав, на международный форум борцов за мир. На нем он выступил с речью, в которой говорил об «отвратительном зловонии», исходящем от американской культуры, упоминал о «банальных фильмах, реакционных, бессодержательных изданиях, подобных „Тайм“, и об американском танце, напоминающем „современный вариант пляски святого Витта...“ Упомянув о

произведениях писателей Джона Дос Пассоса, Т. С. Элиота, Юджина О'Нила, Андрэ Мальро, Жана Поля Сартра, Фадеев сказал: „Если бы гиены могли печатать на машинке, а шакалы пользоваться авторучками, они создавали бы подобные творения...“

Кстати, от Фадеева доставалось «на орехи» не только заграничным писателям, но и советским. Например, свой удар он обрушил на Василия Гроссмана за роман «Правое дело», который имел несчастье не понравиться Сталину. В те же годы, присутствуя в Нью-Йорке на конференции по вопросам культуры (созванной под эгидой компартии США), Фадеев, отвечая на вопрос о судьбах некоторых советских писателей, заявил: «Все они существуют, они живы. Пастернак живет со мной по соседству... О Бабеле и Киршоне я ничего не могу сказать». Фадеев, конечно, врал. Он прекрасно был осведомлен, что оба последних писателя сгинули в застенках ГУЛАГа – один в 40-м году, другой – в 38-м.

Что касается творчества, то и здесь муза Фадеева не спала. В 1951 году он увлекся идеей написать роман о советских металлургах. И вновь с чужой подачи. Его вызвал член Политбюро Г. Маленков и спросил: «Вы слышали о новом изобретении в металлургии – новом способе варки стали?» И когда Фадеев удивленно пожал плечами, сообщил: «Это грандиозное открытие! Вы окажете большую помощь партии, если опишете это». В последующем выяснится, что это изобретение, обещавшее металлургам выпуск продукции неведомым

в истории техники методом, — откровенная липа. Но тогда об этом еще никто не знал, и изобретению дали «зеленый свет». А надлежащий промоушн ему должен был обеспечить Фадеев.

Поначалу он с радостью ухватился за идею нового романа, перелопатил кучу сопутствующей литературы по металлургии, выезжал в командировки на Урал. Начал было писать, но довольно скоро оказался в положении человека, от которого требуют результата, но не дают времени на его осуществление. Именно об этом Фадеев сообщал в письме своему заместителю в Союзе писателей Алексею Суркову в мае 1953 года. Приведу отрывок из него:

«Я не могу работать ни в Союзе писателей, ни в каком угодно другом органе до того, как мне не дадут закончить мой новый роман „Черная металлургия“, роман, который я считаю самым лучшим произведением своей жизни и который, я не имею права здесь скромничать, будет буквально подарком народу, партии, советской литературе. Мне давали на один год „отпуск“. Что же это был за „отпуск“? Шесть раз в течение этого года меня посылали за границу. Меня беспощадно вытаскивали из Магнитогорска, Челябинска, Днепропетровска еще недели за две до заграничной поездки, чтобы я участвовал в подготовке документов, которые отлично могли быть подготовлены и без меня, примерно столько же уходило на поездку, потом неделя на то, чтобы отчитаться. Два месяца ушло на работу в Комитете по Сталинским пре-

миям. Я участвовал в проведении Всесоюзной конференции сторонников мира 1951 года. В условиях этого так называемого „отпуска“ я имел для своих творческих дел вдвое меньше времени, чем для всего остального...

Сейчас роман мой уже поплыл, как корабль, многое уже вчерне написано, а главное то, что все необходимое уже найдено, – ведь профессиональному литератору главное – это сочинить, а написать он всегда напишет, было бы время, – и это вовсе не только роман о металлургах – они в центре этого романа, но это роман о советском обществе наших дней, это роман самонужнейший, архисовременный. И вы, мои товарищи по Союзу писателей, просто должны, обязаны сделать все, чтобы этот роман был написан. А для этого я должен быть решительно и категорически освобожден от всей остальной работы. Не дать мне сейчас закончить этот роман – это то же самое, что насильственно задержать роды, воспрепятствовать им. Но я тогда просто погибну как человек и как писатель, как погибла бы при подобных условиях роженица...»

Читая строки этого письма, трудно понять, на что именно рассчитывал Фадеев, призывая своих коллег по писательскому цеху помочь ему «родить» новый шедевр. Как известно, нет ничего разобщеннее и завистливее, чем творческая среда. И ведь Фадеев сам прекрасно это знал, потому что вращался в этой среде без малого тридцать лет. Да почти любому из тех, с кем Фадеев общался в Союзе писателей, бы-

ло глубоко наплевать на то, что роман, над которым он работает, «лучший в его жизни и архисовременный». Пользуясь терминологией самого Фадеева, правильно было бы сказать, что многие из его коллег с удовольствием согласились бы взять в руки скальпель и лично сделать «аборт» его новому произведению. Вот и в тот раз, прочитав письмо Фадеева, верхушка Союза писателей в лице Алексея Суркова, Константина Симонова и Николая Тихонова тут же отреагировала на него соответствующим образом. Была составлена докладная записка на имя секретаря ЦК Н. Хрущева, в которой сообщалось: «Общая оценка состояния литературы, данная в письме А. А. Фадеева (в своем письме тот имел смелость дать такую оценку. – **Ф. Р.**), является неправильной... Письмо А. А. Фадеева, содержащее неверную паническую оценку состояния литературы и неполадок в руководстве ею, в то же время не содержит никаких конкретных предложений о том, как улучшить состояние литературы и, в частности, – как улучшить работу Союза писателей.

Для нас ясно, что на характер и тон письма не могло не повлиять болезненное состояние, в котором находится в настоящее время А. А. Фадеев...»

Короче, суть претензий Фадеева его коллеги свели к банальному – что с алкоголика возьмешь? В итоге его послание оказалось гласом вопиющего в пустыне.

Между тем подобная позиция трех подписантов письма в ЦК по отношению к Фадееву вполне логична. Все они дав-

но уже «имели зуб» на него. Сурков еще со времен разгона РАПП в начале 30-х, Тихонов и Симонов чуть позже – с 40-х. Особенно сильной была неприязнь к Фадееву у Симонова (впрочем, она была взаимной).

Вспоминает К. Зелинский: «Только об одном человеке он говорил с возмущением, с презрением и почти с ненавистью – о Симонове.

– Нет, ты понимаешь, что было. В прошлом году (разговор происходил в июне 1954-го. – **Ф. Р.**) осенью я вынужден был вот так зайти к нему, как к тебе. Я шел из «шалмана» и, переходя речку, свалился, измок весь и зашел к Симонову, чтобы обсушиться и прийти в себя, прежде чем вернуться домой... Он велел сторожу передать, что «занят срочной работой». А ведь я Фадеев. И симоновский сторож повел меня к себе, раздел, уложил на кровать, помыл меня.

Рассказывая обо всем этом, Фадеев, не стесняясь присутствовавших при этом четырех людей – Бубеннова с женой, Васильева и Смирнова, – плакал, утирая слезы грязным носовым платком, каким вытирал руки, которые мыл в ручье, когда жил в лесу.

– Симонов – однодневка. Это не художник. В конце концов, это карьерист высокого масштаба, хотя я и признаю, что он очень способный человек.

– Так тебе и надо, – говорили Фадееву Бубеннов и Васильев. – Ты сам его породил. Вот теперь и пожинай то, что посеял.

– Да, верно. Так мне и надо. Но я думал, что он человек, и человек идеи. Ничего настоящего, человеческого в нем нет. Человек, который может обращаться со своим сердцем, как с водопроводным краном, который можно отпускать и перекрывать, – это уже не человек...»

Фадеев планировал с января 1954 года начать публиковать первые главы романа «Черная металлургия» в одном из толстых журналов, а к концу года окончательно его завершить. Но его планам не суждено было осуществиться – роман так и не увидел свет, оставшись незавершенным. И тот год Фадееву запомнился совсем другим.

Во-первых, он потерял мать – единственного человека в этом мире, которого он по-настоящему сильно любил. В свое время Фадеев бросил такую фразу: «Я двух людей боюсь – мою мать и Сталина, боюсь и люблю».

Антонина Владимировна умерла 5 марта в возрасте 81 года. На пенсию она ушла только в 72 года, работая в предвоенные и военные годы в таких окраинных районах Москвы, как Черкизово и Дорогомилово. На ее похороны Фадеев приехать не сумел – он тогда в очередной раз лежал в больнице (по другой версии он не приехал потому, что не мог видеть мать мертвой), из близких усопшей там была лишь ее дочь, сестра Фадеева, Татьяна.

Во-вторых, тот год показал, что новая власть относится к Фадееву с недоверием. Уже год, как не было в живых Сталина, который худо-бедно, но благоволил к Фадееву (даже с

сочувствием относился к его болезни), а преемники Генералиссимуса даже не удосужились хотя бы раз – а он пытался прорваться к ним неоднократно – принять и выслушать писателя. Было видно, что Фадеев им уже неинтересен. Этой ситуацией решили воспользоваться его противники в секретариате СП.

В один из дней 1954 года, когда Фадеева в очередной раз увезли «лечиться», Сурков собрал внеочередное и бесповоротное (так он сам выразился) заседание президиума Союза писателей. Присутствовавшая на нем В. Герасимова вспоминает:

«Один за другим стали выступать „клиенты“ Суркова из сложившегося блока противников Фадеева. Сурков как бы оставался в тени. И открыл заседание он в своей характерной манере – простенько и смиренно: „Товарищи, собственно, по вашему желанию я собрал вас, чтобы потолковать... Заседание без повестки, без плана, потолкуем по душам“. Уверена, что из чувства предосторожности не было стенографистки. И первым выступил не он, а ближайший в те годы его подручный К. Симонов, затем деревянно-тупой, но ловкий в сфере „продвижений“ В. Кожевников, затем неглупый, довольно образованный карьерист А. Чаковский и еще нечто подобное... В скорбно-негодующем тоне говорили, что положение в Союзе невыносимо, что с Фадеевым нельзя работать, что его порок недопустим и губит дело, и т. д. и т. п. Сурков с трудом сдерживал готовое прорваться удовольствие...»

Постепенно в ходе собрания стала догадываться об истинном его значении. Только один или два человека – члены президиума из национальных республик (фамилий не помню) – страстно, но беспомощно выступили в защиту Фадеева... Но их выступления, конечно, не перевесили приговора спевшейся группы. Приговор «порочному» Фадееву был общий. И пошел в высшие инстанции. Вскоре Фадеев уже был отставлен от должности генсека, а также переведен из членов ЦК партии в кандидаты ЦК...

Как ни странно, но свою отставку с поста руководителя Союза писателей Фадеев воспринял спокойно. Видимо, с какого-то времени он стал понимать, что она неизбежна, и успел к этому подготовиться. К тому же польза от этого тоже была – времени для творчества у Фадеева появилось достаточно. К тому моменту идея романа «Черная металлургия» благополучно была похерена (по задумке автора, в книге молодое поколение разоблачает вредителей, а оказалось, что «вредители» были правы). Написав лишь восемь глав, Фадеев роман забросил и стал вынашивать планы новой книги. Весной 1954 года несколько десятков страниц появилось из-под пера писателя (первыми слушателями нового произведения были Е. Ф. Книпович и И. Л. Андроников). Однако на этом дело и застопорилось. Больше к этой книге Фадеев не возвращался. Почему? Может быть, из-за проблем со здоровьем, но скорее всего Фадеева затянули в свой водоворот новые события. В 1955 году приоткрылись ворота лагерей ГУ-

ЛАГа, и на свободу потихоньку стали возвращаться те, кого Фадеев прекрасно знал, – его коллеги-писатели, друзья еще по Гражданской войне. Некоторые из них не могли простить Фадееву своего ареста и заточения и спрашивали с него по большому счету. Известны несколько случаев, когда Фадееву публично бросали такие обвинения в лицо. К примеру, так поступила Анна Берзинь, которая демонстративно не подала Фадееву руки в клубе Союза писателей. И на всех творческих встречах она потом не переставала повторять: «Нас всех посадил Сашка!»

А вот другой бывший зэк – Иван Макарьев, с которым Фадеев был знаком с юности (Ванятка – так называл его писатель), вернувшись из лагеря, даже не захотел встретиться с бывшим другом. От подобных ударов психика Фадеева страдала больше всего. А в феврале 1956 года грянул XX съезд партии, с которого началось разоблачение сталинских преступлений. На этом съезде «ударили» и по Фадееву. Приведу отрывок из выступления М. Шолохова: «На что мы пошли после смерти Горького? Мы пошли на создание коллективного руководства в Союзе писателей во главе с тов. Фадеевым, но ничего путевого из этого не вышло. А тем временем постепенно Союз писателей из творческой организации, каким он должен был быть, превращался в организацию административную, и, хотя исправно заседали секретариат, секции прозы, поэзии, драматургии и критики, писались протоколы, с полной нагрузкой работал технический аппарат и

разъезжали курьеры, книг все не было. Несколько хороших книг в год для такой страны, как наша, это предельно мало... (Здесь так и просится реплика типа: „Чья бы корова мычала...“ Сам докладчик в указанный период – с 1938 по 1956 год – особенной плодовитостью как писатель не отличался. – **Ф. Р.**)

Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. Остальным секретарям работать с ним стало невозможно. 15 лет тянулась эта волынка. Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева 15 лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя...»

Любопытен такой факт. В 1944 году, когда Фадеев работал над «Молодой гвардией», секретарь ЦК ВКП(б) Жданов попросил Шолохова временно заменить коллегу на посту генерального секретаря СП. Однако Шолохов отказался. То ли плохо себя представлял в роли чиновника, то ли просто испугался ответственности.

Критика культа личности произвела на всех без исключения граждан страны шоковое впечатление. С пьедестала было низвергнуто божество, которому люди слепо поклонялись без малого тридцать лет. Не стал исключением и Фадеев. Как рассказывал бывший комбриг партизанского отряда Н. Ильюхов, под началом которого Фадеев служил в юности, во время их встречи в 1956 году, когда разговор зашел о Сталине – мол, кому мы верили? – Фадеев заявил: «У меня та-

кое чувство, что ты благоговел перед прекрасной девушкой, а в руках у тебя оказалась старая блядь!»

Те несколько месяцев после съезда, что отпустила Фадееву судьба перед его трагическим уходом, он ведет уединенную жизнь. Писатель вновь занят работой – составляет сборник своих литературно-критических статей «За тридцать лет». Он торопится завершить работу как можно быстрее, потому что врачи неустанно твердят – цирроз печени усиливается, необходима госпитализация. К этой неприятной новости присоединяются и другие. В Краснодоне нарастает борьба за честь Виктора Третьякевича, которого Фадеев в своем романе, как мы помним, вывел предателем под фамилией Стахович. И еще – ему перестали присылать из Союза писателей толстые журналы для рецензий. Мелочь, но и она больно уколола Фадеева. До рокового шага остаются считанные дни.

Тот день – 13 мая 1956 года – был вполне обычным воскресным днем, и, кажется, ничто не предвещало беды. Фадеев проснулся часов в десять утра и спустился вниз, на кухню (кабинет Фадеева находился на втором этаже). Бывшая там домработница Ландышева пригласила его к завтраку, однако Фадеев отказался. По ее словам, в то утро он выглядел несколько взволнованным. Это же заметила и одна из его секретарш – Е. Книпович. Позднее она объяснит это событиями, произошедшими накануне. 12 мая Фадеев был на своей московской квартире и встречался там с писателями

Самуилом Маршаком и Николаем Погодиным. Этот разговор произвел на Фадеева тягостное впечатление, и вечером, приехав с одиннадцатилетним сыном на дачу, он принялся глотать снотворное, но ему ничто не помогало. В таком возбужденном состоянии Фадеев лег спать.

Перед обедом (около часа дня) Фадеев вновь спустился вниз – на этот раз к рабочим, которые готовили землю под клубнику, поговорил с ними. Затем вновь ушел к себе. Примерно через полчаса рабочие услышали сильный удар, как будто упал стул или кресло, однако не придали этому значения. В два часа дня, когда стол был уже накрыт к обеду, вспомнили о Фадееве и послали к нему младшего сына – Мишу. Тот поднялся наверх, вошел в кабинет отца, но уже через секунду скатился вниз со страшным криком. Испуганные его воплями, наверх бросились женщины, бывшие в тот момент на даче: секретарша Фадеева и его свояченица Валерия Осиповна Зарахани, литераторша Е. Книпович. Когда они вбежали в кабинет, перед ними предстала ужасная картина – раздетый до трусов Фадеев находился на кровати в полусидячем положении. Лицо его было искажено невыразимой мукой. Правая рука, в которой он держал револьвер, была откинута на постель. Пуля была пущена в верхнюю аорту сердца с анатомической точностью. Она прошла навылет, и вся кровь теперь стекала по его спине на кровать, смочив весь матрас. Со столика, стоявшего рядом с кроватью, на вошедших сурово взирал портрет Сталина. Раньше этот порт-

рет лежал у Фадеева в столе, теперь же он поставил его на видное место – видимо, специально. Что он хотел этим сказать, так и осталось тайной, которую он унес вместе с собой в могилу. Рядом с портретом на столе лежало запечатанное письмо, адресованное ЦК КПСС. Открыть его женщины побоялись и тут же бросились звонить по телефону в милицию и в Союз писателей.

Первыми к месту трагедии прибежали проживавшие неподалеку писатели Константин Федин и Всеволод Иванов. Они поднялись в кабинет Фадеева, но пробыли там недолго. Вскоре на дачу заявили начальник одинцовской милиции с подчиненными и сотрудник КГБ. Когда начальник милиции, осматривая место происшествия, увидел письмо и хотел его вскрыть, чекист резким жестом выхватил конверт из его рук и произнес: «Это не для нас».

Вспоминает А. Гидаш: «Я сел за стол, чтобы ответить на письма, полученные во время болезни. Первым положил перед собой письмо из Будапешта от одного венгерского поэта. Он писал о том, что каждое утро, когда встает, часами размышляет о том, стоит ли ему жить или нет? Этому хорошему поэту, а стало быть, и умному человеку, мне хотелось написать что-то очень убедительное.

Я выглянул в окно, уставился на синие московские небеса. И мысли, образы зашевелились в голове. Медленно, каллиграфическими буквами – чтоб было время еще подумать – написал я обращение. Потом после нескольких вступитель-

ных слов перешел к сути дела: «Что же касается самоубийства...»

И в тот же миг гаркнул на меня телефон, до этого тихонько стоявший на столе. Дребезжащий звон напугал меня, прошел от головы до пят.

– Я слушаю!

– Анатолий? – забился в трубке голос Валерии Осиповны Зарахани. – Немедленно приезжай за мной... Саша застрелился... На даче... Достань хирурга...

– Хирурга? – крикнул я. – Так он жив?

– Не спрашивай ничего... – Трубка была брошена.

Что делать? Агнеш (жена Гидаша. – **Ф. Р.**) ушла. Оставить записку? Перепугается до смерти.

Но вдруг слышу – отворяется дверь в прихожую. Кричу:

– Валя звонила!.. Саша застрелился!..

Рывок к телефону. Агнеш дрожащими пальцами набирает номер. Слышу, хотя трубка прижата к уху:

– Говорю же, не спрашивайте ничего... Приезжайте немедленно.

Мчимся вниз. И о чудо из чудес! На углу нашей улицы Фурманова стоит пустая машина. Видно, ждет «левого» пассажира. Шофер соглашается ехать. Сперва мчим в Газетный, за Валерией Осиповной (Герасимова – первая жена Фадеева. – **Ф. Р.**), и оттуда в Переделкино.

Машина несется по широкому Минскому шоссе.

– Как ты думаешь, он жив? – уже десятый раз спрашивает

Агнеш, так что я даже не отвечаю ей.

Врываемся в сад. Через кухню мчимся в столовую. Там сидят рядышком Федин и Всеволод Иванов. Два-три слова. Несемся вверх по лестнице. В дверях боковой комнатки стоит Книпович и молча указывает на кабинет. Входим. Голый по пояс, высоко, на двух подушках лежит Фадеев. Рот открыт. Правая рука откинута... Рядом «наган».

Больше секунды не выдерживаю. Шатаюсь, выхожу из комнаты. Нет, даже не крик, а какой-то звериный лай вырывается из меня.

— Что же это такое? — спрашиваю Книпович, которая стоит оцепеневшая, неподвижная, руки опущены (на египетских картинах встречаются такие женские фигуры).

— В два часа Мишка поднялся к отцу и...

(В два часа я сел писать письмо.)

Переделкино словно взбудораженный улей. Все рвутся в дачу. Валерия Осиповна никого не пускает.

Приехал Сурков. Увидев Фадеева, закричал не своим голосом:

— Это не он, это не он... Сашка! Что ты наделал! Что ты наделал!

Мы с Сурковым уезжаем в Москву. По дороге милиционер останавливает нашу машину, которая несется с недозволенной скоростью. Этот будничный инцидент заставляет Суркова прийти в себя.

Союз писателей. Сурков звонит повсюду. Я звоню Агнеш

в Переделкино.

— Только что увезли его, — говорит она. — Когда прощались и я поцеловала его в лоб, он был совсем теплый... И волосы пахли одеколоном...»

В момент самоубийства Фадеева его жена Ангелина Степановна была с театром на гастролях в Югославии. Бытует мнение, что если бы в те роковые минуты она находилась в Переделкине, рядом с мужем, трагедии не произошло бы.

Рассказывает В. Вульф: «Она играла спектакль и в антракте заметила, что к ней вдруг все стали очень внимательны. Когда спектакль кончился, ее попросили спуститься вниз, там был представитель нашего посольства, он сказал, что ей надо срочно в Москву, этого хочет Александр Александрович. Она ему нужна. Сели тут же в машину — и в Будапешт: тогда прямого самолета не было, а только Будапешт — Киев — Москва. В Будапешт приехали в четыре утра, и она удивилась, что ее ждали — во всех окнах посольства горел свет, никто не ложился спать. Почему? Что случилось? Саша заболел? Или его ждет какое-то новое назначение и он хочет с ней посоветоваться? Можно было задать этот вопрос работникам посольства, но это было не в ее правилах. Такой характер... И только на летном поле в Киеве купила газету, развернула ее — и увидела портрет Фадеева в траурной рамке. И в Москве, по трапу, к руководителям Союза писателей, которые ее встречали, она спустилась с газетой в руках. Дав понять, что все знает. И в Колонный зал к гробу поехала, ко-

гда все оттуда ушли, стремясь избежать излишних соболезнований. И уже через два дня играла на сцене...»

Похоронили А. Фадеева на престижном Новодевичьем кладбище.

Официальные власти, прекрасно сознавая, что самоубийство известного писателя вызовет в народе целую волну самых различных версий и предположений, предприняли упреждающие меры. Уже 14 мая (то есть на следующий день после трагедии!) ЦК КПСС опубликовал некролог, в котором объяснил случившееся следующим образом: «В последние годы жизни А. А. Фадеев страдал тяжелой болезнью – алкоголизмом». Об этом же сообщало и медицинское заключение: «13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством».

Надо сказать, что большинство людей поверили в эту версию. Но были и сомневающиеся, в основном из тех, кто знал о существовании предсмертного письма писателя. Они рассуждали так: «Если ЦК партии радеет за правду, то почему тогда он скрывает от народа последнее послание Фадеева? Значит, в его добровольном уходе из жизни есть какие-то секреты».

Эту тайну ЦК КПСС хранил более 34 лет. В сентябре 1990 года предсмертное письмо А. Фадеева было наконец обнародовано. Приведу его полностью:

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство,

которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, – физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет.

Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, с самых «высоких» трибун – таких, как Московская конференция или XX партсъезд – раздался новый лозунг: «Ату ее!» Тот путь, которым собираются «исправить» положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же «дубинки».

С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это –

«партийностью». И теперь, когда все можно было бы исправить, сказалась примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет уже никакого стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный Богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических порок, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – этот высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им,

этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от са-трапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с пре-великой радостью, как избавление от этого гнусного суще-ствования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь и кле-вета, ухожу из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

А. ФАДЕЕВ.

13/V. 56».

Р. S. Старший сын Фадеева Александр Фадеев-младший пошел по стопам матери – он окончил Школу-студию МХА-Та, работал в Театре Советской Армии. Однако его актер-ская карьера не удалась. Уже через несколько месяцев по-сле принятия в штат театра его с треском выгнали оттуда. За что? Во время репетиции спектакля «Большая руда» режис-сер Маргарита Микаэлян не смогла уложиться в отведенное время и попросила актеров задержаться на несколько минут. Все согласились, кроме Фадеева-младшего. Он заявил: «А что, у нас нет охраны труда? У меня куча дел в городе, я дол-жен идти». И покинул репетицию, невзирая на то, что в зале сидели художественный руководитель театра Андрей Попов и несколько народных и заслуженных артистов.

В начале 60-х Фадеев-младший был знаменит в божественных кругах прежде всего тем, что был женат поочередно на Людмиле Гурченко и дочери Василия Сталина Надежде Бурдонской. Вот как вспоминает о нем его тогдашний приятель А. Нилин (кстати, тоже сын известного писателя – Павла Нилина): «Фадеев ни в малой степени не интересовался ни литературой, ни искусством. Достоинства, несомненно ему присущие, лежали совершенно в иной области. Однако самое удивительное, что проявил он себя в полном блеске именно в кругу артистов и прочих деятелей художественного мира.

Ареной ничего не стоящего ему самоутверждения оказался ресторан ВТО, и в 60-е годы, когда автора «Молодой гвардии» уже не было на свете, фамилия Фадеева практически ежедневно звучала, не перекрываемая громкостью других фамилий, находившихся в то время у всех на слуху...

Пока другие дети знаменитостей доказывали, он – заказывал. И не одной выпивкой и закуской ограничивался его заказ – он заказывал как бы музыку жизни, взвихренной вокруг занимаемого им ресторанного столика... Я обожал вместе с ним бывать в ВТО. Никакой соблазн расширения круга престижных знакомств не мог оторвать меня тогда от творимого моим другом застолья, разрушавшего все представления о какой-либо добропорядочности. Для официанток он безоговорочно был клиентом номер один. Ни один человек в мире искусства не умел с такой широтой тратить деньги в ресторане, как Шура. Это вполне искупало его абсолютную

неспособность их зарабатывать. Годам к тридцати он остался вовсе без средств к существованию. И больше в ВТО не ходил: на халяву он не пил никогда...»

В 1983 году про Фадеева-младшего внезапно вспомнил режиссер МХАТа Олег Ефремов и взял его в свою труппу. (Говорят, только в силу своего желания повязать круговой порукой его мать, приму театра, Ангелину Степанову – женщину влиятельную и властную). Однако дебютант это быстро раскусил и уже через пару-тройку лет стал активно выступать против Ефремова. Когда в 1987 году МХАТ разделился на мужской (Ефремова) и женский (Дорониной), Фадеев ушел в последний. Он проработал в нем до самой смерти – в середине 90-х.

Младший сын А. Фадеева Михаил Фадеев живет в Москве. У него растет сын, которого в честь деда назвали Александром.

«Я умру в крещенские морозы...»

Николай РУБЦОВ

Н. Рубцов родился 3 января 1936 года в городе Емецке Архангельской области в простой семье. Его отец – Михаил Андрианович – работал начальником ОРСа местного леспромпхоза. Мать – Александра Михайловна – была домохозяйкой. В семье Рубцовых было пятеро детей: три дочери и два сына. На момент рождения Николай был пятым, самым младшим ребенком в семье (чуть позже родится еще один мальчик – Борис).

Перед самым началом войны семья Рубцовых перебралась в Вологду, где отец будущего поэта получил высокую должность в местном горкоме партии. Проработал он там чуть больше года, после чего в июне 1942 года его призвали на фронт. Дело, в общем, для военного времени обычное, однако незадолго до отправки Рубцова-старшего в его семье случилась беда: умерла жена. Так как оставить четверых детей без взрослой опеки (к тому времени дочери Рая и Надежда умерли после болезни) отец никак не мог, он вызвал к себе свою сестру Софью Андриановну. Та приехала в Вологду, однако взять всех детей отказалась. Поэтому с ней уехала лишь старшая из дочерей – Галина, а младшие были разбросаны кто куда. Альберт был отдан в ФЗУ, а Николай и Борис отправились в Красковский дошкольный детдом.

Что такое детский дом, да еще в голодное военное время, читателю, думаю, объяснять не надо. Пятьдесят граммов хлеба да тарелка бульона – вот и весь тогдашний рацион детдомовцев. Иногда детишки ухитрялись воровать на воле турнепс и пекли его на кострах. И хотя всем обитателям детдома жилось несладко, однако Коле Рубцову особенно. Совсем недавно у него были любящая мать, отец, несколько братьев и сестер, и вдруг – полное одиночество. Особенно оно обострилось после того, как часть детдомовцев, в том числе и его брата Бориса, оставили в Краскове, а Николая вместе с другими отправили в Тотьму. Так оборвалась последняя ниточка, связывавшая мальчика с родными. Единственным лучиком света тогда для 7-летнего Коли была надежда на то, что с фронта вернется отец и заберет его обратно домой. Но и этой мечте мальчика не суждено было сбыться. Его отец оказался подлецом: он женился во второй раз, и вскоре у него появились новые дети. Про старых он забыл.

Между тем среди детдомовцев Рубцов считался одним из лучших учеников. И хотя учили их намного хуже, чем в средних школах (на четыре предмета был один учитель), однако дети и этому были рады. И третий класс Коля закончил с похвальной грамотой. Тогда же он написал и свое первое стихотворение.

Что касается характера мальчика, то, по воспоминаниям его товарищей по детдому, он был среди них самым ласковым и ранимым. При малейшей обиде он уходил в сторону

и горько плакал. И кличку он тогда носил довольно мягкую для пацана – Любимчик.

В июне 1950 года Рубцов закончил семилетку и, едва получив диплом, покинул стены ставшего ему родным детдома. Его путь лежал в Ригу, в мореходное училище, о поступлении в которое он мечтал все последние годы своего пребывания в детском доме. Он преисполнен самых радужных надежд и ожиданий.

К сожалению, его мечте так и не суждено было сбыться. В мореходку брали с 15 лет, а Николаю было четырнадцать с половиной. Поэтому он вернулся обратно в Тотьму и там поступил в лесной техникум.

И все же его мечта о море сбылась в 1952 году. Закончив техникум и получив на руки паспорт, Рубцов отправился в Архангельск, где вскоре устроился помощником кочегара на тральщик «Архангельск» – «старую калошу», которая уже проплавала 34 года. Вся ее команда состояла из прожженных бичей, призвать к порядку которых было не очень просто. В море они работали как черти, однако на берегу только и делали, что шлялись по бабам да кабакам. Николай проработал на судне почти год, после чего подал заявление на уход. Он решил продолжить учебу. Приехал в город Киров и поступил в горный техникум. Но и в нем продержался всего лишь год. В 1954 году бросил его и отправился скитаться. Будучи в Ташкенте, впервые вывел невеселую для себя мысль о том, что находится на «земле, не для всех родной».

В марте 1955 года Рубцов возвращается в родные для него края в Вологду и впервые пытается найти своего отца. До этого во всех своих анкетах он неизменно писал: «Отец погиб на фронте». Это объяснялось не его неведением относительно судьбы родителя, просто не мог ему простить его предательства, что не забрал его из детдома. Но на этот раз Николай пересилил себя и первым попытался установить с ним контакт.

Встреча так и не растопила холода, который возник между отцом и сыном за эти годы. У Михаила Андриановича была молодая жена и маленькие дети. Он занимал солидный пост в местном ОРСе и жил в отдельной квартире. Появление сына, которого он уже успел забыть (ведь бросил его в 6-летнем возрасте), его явно не устраивало. Николай это понял сразу, как только они встретились. Поэтому в доме отца он не задержался и принял предложение своего брата Альберта устроиться работать к нему на полигон в поселок Приютино под Ленинградом.

К тому времени Альберт был уже женат и жил с женой в отдельной комнате в бывшем господском доме. А Николая он устроил в местное общежитие. Именно в Приютине к Николаю впервые пришла любовь. Девушку звали Таисия. Рубцову она очень нравилась, а вот он ей не очень. Однако его ухаживаний она не отвергала, и вечерами они подолгу гуляли по поселку. Но длилось это недолго: в конце 55-го Рубцова призвали в армию. Таисия его как положено проводи-

ла, а затем вышла замуж за другого. Обычная, в общем-то, история.

В армии Рубцов служил на Северном флоте: был визирщиком на эскадренном миноносце. Служба давалась ему легко, чему, видимо, немало способствовало детдомовское прошлое. Трудностей он не боялся. Уже через год стал отличником боевой и политической подготовки и даже был удостоен права посещать занятия литературного объединения при газете «На страже Заполярья». Его стихи стали все чаще появляться в этом армейском органе печати. Правда, это были откровенно слабые стихи.

В октябре 1959 года Рубцов демобилизовался и приехал в Ленинград, где устроился рабочим на Кировский завод. Там впервые стал получать хорошую зарплату – 700 рублей. Для неженатого человека это были приличные деньги. Как писал сам поэт в одном из писем той поры: «С получки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода».

Однако чуть ниже: «Живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу».

В 1960 году Рубцов решает продолжить учебу без отрыва от производства и поступает в девятый класс школы рабочей молодежи. Одновременно с этим он активно посещает занятия литературного объединения «Нарвская застава» и литературный кружок при многотиражке «Кировец». Пишет он

тогда много. Причем отмечу парадоксальную вещь: многие его серьезные произведения (которые позднее станут знаменитыми) его коллеги по литобъединению решительно браку-ют. Зато те, что написаны с юмором, иронией, получают самую высокую оценку. Вот, например, одно из таких стихотворений под названием «Жалобы алкоголика», датированное 1962 годом. Приведу отрывок из него:

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
Больной и маленький свой организм?
Ах, по какому же такому случаю?
Ведь люди борются за коммунизм...
Скот размножается, пшеница мелется,
И все на правильном таком пути...
Так замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети!..

Стоит отметить, что тот год был отмечен в судьбе Николая сразу несколькими приятными событиями. Во-первых, тогда вышла его первая книжка под названием «Волны и скалы» (5 тысяч экземпляров). Во-вторых, на одной из вечеринок он познакомился с Генриеттой Меньшиковой, которая в апреле 1963 года родит ему дочь Лену. И, наконец, в-третьих, он успешно сдал экзамены в Литературный институт в Москве. Но не только радости случались в тот год. 29 сентября от рака умер его отец.

В Москве Рубцов поселился в общежитии Литинститута

и довольно скоро стал известен в среде молодых столичных поэтов. Написанные им стихи – «Осенняя песня», «Видения на холме», «Добрый Филя» – вскоре были опубликованы в журнале «Октябрь» и стали очень популярны у читателей. Хотя в стенах самого института отношение к молодому поэту было далеко не однозначным. Одни считали его бездарностью, другие говорили, что он «поэт средних возможностей», и только немногие видели в нем надежду русской поэзии.

Вот что вспоминает о нем его сокурсник Б. Шишаев:

«Когда на душе у него было смутно, он молчал. Иногда ложился на кровать и долго смотрел в потолок... Я не спрашивал его ни о чем. Можно было и без расспросов понять, что жизнь складывается у него нелегко. Меня всегда преследовало впечатление, что приехал Рубцов откуда-то из неудобных мест своего одиночества. И в общежитии Литинститута, где его неотступно окружала толпа, он все равно казался одиноким и бесконечно далеким от стремлений людей, находящихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это.

Женщины, как мне кажется, не понимали Николая. Они пели ему дифирамбы, с ласковой жалостью крутились вокруг, но когда он тянулся к ним всей душой, они пугались и отталкивали его. Во всяком случае, те, которых я видел рядом с ним. Николай злился на это непонимание и терял равновесие».

По мнению людей, близко знавших поэта, он был очень мнительным человеком. Рубцов знал очень много всяких рассказов про нечистую силу и порой темными ночами рассказывал их друзьям на сон грядущий. А однажды он решил погадать на свою судьбу необычным способом. Николай принес в общежитие пачку черной копирки и стал вырезать из листов самолетики. Затем он открыл окно и сказал товарищу: «Каждый самолет – судьба. Как полетит, так и сложится. Вот судьба... (и он назвал имя одного из своих друзей-студентов)». Самолетик вылетел из окна и, плавно пролетев несколько десятков метров, приземлился на снежной аллее под окном. То же самое произошло и с другим самолетиком. «А это – моя судьба», – сказал Николай и пустил в небо третий самолет. И едва он взмыл в воздух, как тут же поднялся порыв ветра, легкую конструкцию подняло вверх, затем резко швырнуло вниз. Увидев это, Рубцов захлопнул окно и больше самолетиков не пускал. Почти целую неделю после этого он ходил подавленный.

Учеба Рубцова в Литинституте продолжалась до декабря 1963 года. После чего его выгнали. 3 декабря он появился в пьяном виде в Центральный Дом литераторов и устроил в нем драку. И уже на следующий день после этого ректор подписал приказ о его отчислении. Почему же с ним поступили так строго, а не стали ставить на вид или лишать стипендии? Все дело в том, что за время своего обучения поэт уже столько раз попадал в различные пьяные истории, что

случай в Доме литераторов переполнил чашу терпения руководства института. Вот и не стали с ним церемониться.

Между тем свидетели происшествия в ЦДЛ затем рассказывали, как на самом деле возникла та «драка». В тот вечер на сцене Дома выступал некий оратор, который рассказывал слушателям о советской поэзии. В конце своего выступления он стал перечислять фамилии известных поэтов, но не упомянул Сергея Есенина. Это и возмутило Рубцова. Он стал кричать: «А Есенин где?», за что тут же был схвачен за шиворот рьяным метрдотелем. Николай стал вырываться, что впоследствии и было расценено как «драка».

К счастью, правда об этом происшествии вскоре дошла до ректора Литинститута И. Н. Серегина, и он в конце декабря издал новый приказ, в котором говорилось: «В связи с выявленными на товарищеском суде смягчающими вину обстоятельствами и учитывая раскаяние тов. Рубцова Н. М., восстановить его в числе студентов 2 курса...»

Справедливость была восстановлена. Правда, ненадолго. Уже через полгода после этого – в конце июня 1964 года – Рубцов попал в новую скандальную историю. И опять в ЦДЛ. Ситуация выглядела следующим образом. Наш герой и двое его однокурсников отдыхали в ресторане Дома литераторов. Время уже подходило к закрытию, но друзья не собирались закругляться. Они подозвали к своему столику официантку и заказали еще одну бутылку водки. Однако официантка им отказала, объяснив, что водка кончилась. «Тогда прине-

сите вино», – попросили ее студенты. «И вино тоже кончилось!» – отрезала официантка. И в тот же момент ее окликнули с другого столика и тоже попросили спиртного. И тут друзья-студенты увидели, как изменилась их собеседница. Она вдруг расплылась в подобострастной улыбке и буквально бегом отправилась выполнять заказ клиентов. Вскоре на их столе появился заветный графин с водкой. Судя по всему, именно этот эпизод и вывел из себя подвыпившего Рубцова. Когда официантка вновь подошла к их столику, чтобы сообщить, что ресторан закрывается, он заявил: «Столик мы вам не оплатим, пока вы не принесете нам водки!» Официантка тут же побежала жаловаться метрдотелю. А тот не нашел ничего лучшего, как вызвать милицию. Всю троицу под руки выпроводили из ресторана. Самое удивительное, до отделения милиции довели только одного Рубцова (по дороге двое его приятелей куда-то «испарились»). В результате он стал «козлом отпущения», и 26 июня появляется приказ о его отчислении из института.

Можно только поражаться тому дьявольскому невезению, которое сопровождало поэта почти в большинстве подобного рода случаев. Будто магнитом он притягивал к себе неприятности и всегда оказывался в них крайним. Вот как Н. Коняев пишет об этом:

«Рубцов все время с какой-то удручающей последовательностью раздражал почти всех, с кем ему доводилось встречаться. Он раздражал одноглазого коменданта, прозванно-

го Циклопом, раздражал официанток и продавцов, преподавателей института и многих своих товарищей. Раздражало в Рубцове несоответствие его простоватой внешности тому сложному духовному миру, который он нес в себе. Раздражение в общем-то понятное. Эти люди ничего бы не имели против, если бы Рубцов по-прежнему служил на кораблях Северного флота, вкалывал бы на заводе у станка или работал в колхозе. Это, по их мнению, и было его место. А Рубцов околачивался в стольном граде, учился в довольно-таки престижном институте, захаживал даже, ну посудите сами, разве это не безобразие?! в святая святых – ЦДЛ...»

Как это ни странно, но после отчисления из института Рубцов не впал в уныние и даже, по мнению видевших его тогда людей, выглядел вполне благополучно. Этому было несколько объяснений. Во-первых, его личная жизнь складывалась тогда вполне удачно. Например, летом он прекрасно провел время с женой и дочкой в деревне Никольское Вологодской области там, где он закончил когда-то начальную школу). Во-вторых, в журналах «Юность» и «Молодая гвардия» появились первые крупные подборки его стихов. А это было не только моральной поддержкой молодому поэту, но и материальной.

К сожалению, относительное благополучие поэта длилось всего месяца три. Осенью деньги, заработанные от публикаций, иссякли, и Рубцову пришлось довольствоваться копеечными гонорами из газеты «Ленинское знамя», в которой

иногда печатались его стихи. А затем случилась новая неприятность. Так как Рубцов нигде не работал, местное сельское руководство объявило его тунеядцем и вывесило его портрет в сельпо. Отмечу, что именно в этот период были написаны стихи (около пятидесяти), большая часть из которых затем войдет в сокровищницу отечественной поэзии.

В январе 1965 года Рубцов вновь вернулся в Москву и благодаря стараниям своих друзей сумел восстановиться на заочном отделении Литературного института. Однако прописки в столице у него не было, поэтому ему приходилось скитаться по разным углам, вплоть до скамеек на вокзалах. А в апреле 1965 года последовал новый скандал.

17 апреля Николай пришел в общежитие института, надеясь, что его пустят переночевать. Но его не пустили. Тогда Рубцов поймал такси в 17-м проезде Марьиной Рощи и попросил отвезти его на одну из улиц города, где жил его друг. Доехав до пункта назначения, Николай отдал водителю (кстати, это была женщина) три рубля, надеясь получить с них сдачу, так как счетчик набил всего лишь 64 копейки. Однако водитель давать ему сдачу отказалась. И тогда поэт потребовал везти его к первому постовому милиционеру. Видимо, у него он думал найти справедливость. Но все получилось наоборот. Милиционер поверил не ему, а женщине-водителю, забрал его в отделение, и там был составлен соответствующий протокол. Через день он уже лежал на столе у ректора Литературного института. Так поэт в очередной

раз лишился студенческого билета.

Тем временем дала трещину и его семейная жизнь. Во многом этому способствовала его теща, которая теперь жила вместе с дочерью и внучкой в селе Никольское. Каждый раз, когда Николай возвращался из Москвы в деревню, теща не давала ему проходу, ругала его за тунеядство, пьянство. Вскоре она перетянула на свою сторону и дочь. Когда жить с ними стало для Рубцова совсем нелегко, он уехал куда глаза глядят.

В течение последующих двух лет Рубцов побывал во многих местах страны, даже какое-то время жил в Сибири. Осенью 1967 года свет увидела еще одна книга его стихов, «Звезда полей», которая принесла ему большую известность. В следующем году его наконец-то приняли в Союз писателей и даже выделили комнату в рабочем общежитии на улице 9-й Армии в Вологде. В 1969 году он закончил Литературный институт и получил на руки диплом. В сентябре того же года его зачислили в штат работников газеты «Вологодский комсомолец». И в довершение всего дали ему однокомнатную квартиру в «хрущобе» на улице Александра Яшина. (Отмечу, что переезжал туда Николай, имея на руках всего лишь потрепанный чемодан и томик Тютчева.) Казалось, что жизнь у поэта постепенно налаживается и впереди его ждут только радости. Ведь сколько он уже натерпелся. Однако...

В 1969 году рядом с Рубцовым возникла женщина, которой суждено будет сыграть в его судьбе роковую роль. Звали

ее Людмила Дербина (она родилась в 1938 году). 2 мая 1962 года они встретились в компании в стенах общежития Литературного института (их познакомила поэтесса Вера Бояринова). Однако тогда это было всего лишь мимолетное знакомство. Рубцов, носивший тогда пыльный берет и старенькое вытертое пальто, произвел на девушку отталкивающее впечатление. Но уже через четыре года после этого, прочитав книгу его стихов «Звезда полей», Дербина внезапно почувствовала к поэту сильное влечение. К тому времени за ее плечами уже был опыт неудачного замужества, рождение дочери. Зная о том, что и Рубцов в личной жизни тоже не устроен, она вдруг решила познакомиться с ним поближе. 23 июня 1969 года она приехала в Вологду, и здесь вскоре начался их роман. Завершился он тем, что в августе того же года Дербина переехала с дочерью в деревню Троица, в двух километрах от Вологды, и устроилась на работу библиотекарем. Позднее она вспоминала:

«Я хотела сделать его жизнь более-менее человеческой... Хотела упорядочить его быт, внести хоть какой-то уют. Он был поэт, а спал как последний босяк. У него не было ни одной подушки, была одна прожженная простыня, прожженное рваное одеяло. У него не было белья, ел он прямо из кастрюли. Почти всю посуду, которую я привезла, он разбил. Купила я ему как-то куртку, замшевую, на „молнии“. Через месяц спрашиваю – где? Он так спокойно: „А-а, подарил, понравилась тут одному“.

Все восхищались его стихами, а как человек он был никому не нужен. Его собратья по перу относились к нему снисходительно, даже с насмешкой, уж не говоря о том, что равнодушно. От этого мне еще более было его жаль. Он мне говорил иногда: «Люда, ты знай, что если между нами будет плохо, они все будут рады...»

Отношения Рубцова и Дербиной развивались неровно: они то расходились, то сходились вновь. Их как будто притягивала друг к другу какая-то невидимая сила. В январе 1971 года всем стало понятно, что это была за сила – темная, злая... «Я умру в крещенские морозы...», – напишет Рубцов в своей «Элегии». Как в воду смотрел...

5 января Дербина после очередной ссоры вновь приехала на квартиру к поэту. Они помирились и даже более того – решили пойти в загс и узаконить свои отношения официально. Там их какое-то время помуржили (у невесты не было справки о расторжении предыдущего брака), но в конце концов своего они добились: регистрацию брака назначили на 19 февраля. 18 января молодые отправились в паспортный стол, чтобы там добиться прописки Дербиной к Рубцову. Однако их ждало разочарование: женщину не прописывали, потому что не хватало площади на ее ребенка. Выйдя из жилконторы, молодые отправились в редакцию газеты «Вологодский комсомолец», однако по пути, возле ресторана «Север», внезапно встретили группу знакомых журналистов, и Николай решил идти вместе с ними в шахматный клуб от-

мечать какое-то событие, а Дербина отправилась в редакцию одна. Через какое-то время она тоже пришла в шахматный клуб, где веселье было уже в самом разгаре. Вновь прибывшей налили вина, но она практически не пила, предпочитая тихо сидеть на своем месте. И здесь в какой-то момент Рубцов вдруг стал ее ревновать к сидевшему тут же журналисту Задумкину. Однако досадный эпизод удалось обернуть в шутку, и вскоре вся компания отправилась догуливать на квартиру Рубцова на улице Александра Яшина. Но там поэта вновь стала одолевает ревность, он стал буйнить, и когда успокоить его не удалось, собутыльники решили уйти подальше от греха. В комнате остались Николай и его невеста.

Л. Дербина вспоминает: «Я замкнулась в себе, гордясь, обуяла меня. Я отчужденно, с нарастающим раздражением смотрела на мечущегося Рубцова, слушала его крик, грохот, исходящий от него, и впервые ощущала в себе пустоту. Это была пустота рухнувших надежд.

Какой брак?! С этим пьянчужкой?! Его не может быть!

– Гадина! Что тебе Задумкин?! – кричал Рубцов. – Он всего лишь журналистик, а я поэт! Я поэт! Он уже давно пришел домой, спит со своей женой и о тебе не вспоминает!..

Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки...

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буй-

ство. Он вlepил мне несколько оплеух. Нет, я их ему не прo-стила! Но по-прежнeму презрительно молчала. Он все бo-лее накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню...

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь... Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убежать.

– Я уйду.

– Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулcя в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» – мелькнуло у меня в сознании. Одно мгновение, и Рубцов кинулся

на меня, с силой толкнул обратно в комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала теревить его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Я стояла над ним, приросшая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был агонией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.